

Тимоти Нунан

Гуманитарное вторжение

библиотека
журнала

Глобальное развитие
в Афганистане времен
холодной войны

АНТРОПОЛОГИЯ ФИЛОСОФИЯ ПОЛИТОЛОГИЯ ИСТОРИЯ

неприкосновенный
запас

Библиотека журнала «Неприкосновенный запас»

Тимоти Нунан

**Гуманитарное вторжение.
Глобальное развитие
в Афганистане времен
холодной войны**

«НЛО»

2016

УДК 327.8(100:581)
ББК 63.3(5Афг)64-6

Нунан Т.

Гуманитарное вторжение. Глобальное развитие в Афганистане времен холодной войны / Т. Нунан — «НЛО», 2016 — (Библиотека журнала «Неприкосновенный запас»)

В 1979–1989 годах Афганистан был не просто очередной площадкой, на которой разыгрывался спектакль холодной войны с участием СССР и его врагов, но и местом, где решался вопрос об отношении разных политических сил к идее постколониального национального государства. Некогда зажатый между империями, Афганистан, по мнению автора этой книги, оказался полем битвы двух несовместимых подходов к проблеме суверенитета развивающихся стран: советским территориальным авторитаризмом и западным постгосударственным гуманитаризмом. Так, одним из влиятельных акторов в афганских событиях стали гуманитарные неправительственные организации, чьи принципы и действия подрывали легитимность национальных границ. В споре упомянутых концепций Афганистан сыграл роль не столько «кладбища империй», сколько кладбища идеи национального государства в третьем мире. Работа профессора Свободного университета в Берлине Тимоти Нунана посвящена истории трагического взаимодействия Афганистана с внешним миром на протяжении XX века. Ее героями стали финансовые агенты и торговые представители, приезжавшие в Кабул из разных стран, американские гидрологи, советские нефтяники и западногерманские специалисты по лесному хозяйству, комсомольские советники и активистки, помогавшие решать «женский вопрос» в мусульманской стране.

УДК 327.8(100:581)
ББК 63.3(5Афг)64-6

© Нунан Т., 2016

© НЛО, 2016

Содержание

Благодарности	6
Введение	9
В поисках современного Афганистана	14
В поисках глобальной истории	17
Глядя вперед	19
Методология	22
Структура	24
Глава первая	26
Урок истории на будущее	29
Ускорение справедливости, замедление времени	42
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Тимоти Нунан

Гуманитарное вторжение.

Глобальное развитие в Афганистане времен холодной войны

Моим родителям

Благодарности

Если вы хотите, чтобы книга успешно преодолела этап становления и вступила в эру расцвета, вам не обойтись без экспертной поддержки, финансовой помощи и некоторого числа гуманитарных вторжений. Эта книга начиналась как докторская диссертация, которую я писал в Оксфордском университете под руководством Катрионы Келли и Александра Моррисона, однако я ничему не смог бы научиться у них, не усвой я уроки своих прежних учителей – таких, как Майкл Гордин, Энтони Графтон, Уилл Ховарт, Майкл Дженнингс, Ансон Рабинбах и Фрома Цейтлин. Однако и до них у меня были учителя, такие как Джордж Рамос и Марк Виденманн, благодаря которым я и занялся гуманитарными науками.

Некоторые коллеги помогли мне улучшить диссертацию, когда она была еще в зачаточном состоянии. Я благодарен Стивену Коткину за то, что он сумел внушить мне интерес к советской истории и поддерживал его своими замечаниями и критикой; Джеймсу Пикетту за то, что он помог мне обдумать пятую главу этой книги на самом начальном этапе работы; Роберту Крюсу за честную оценку идей; Дэвиду Энгерману, Томасу Барфилду и Дэвиду Экбладу за то, что они подбадривали меня во время давнего визита в Бостон; Артемию Калиновскому, за то, что он первым проторил тропу в данной научной области и поделился со мной своим опытом; Лори Магуайр за то, что она с самого начала проявила заинтересованность в этом проекте, а также за то, что одним дождливым вечером пригласила меня в свой дом в Париже.

Я благодарен Родрику Брейтуэйту за то, что он обсуждал с неуверенным в себе аспирантом как проблемы, связанные с Советским Союзом и Афганистаном, так и другие профессиональные вопросы; Райану Ирвину, Джейсону Паркеру и Роберту Ракове за то, что они терпели чуть менее неуверенного в себе аспиранта во время наших поездок по сербским крепостям; Навиду Хамиду и Мэтью Маккартни за то, что познакомили меня с Пакистаном; Азаму и Терезе Чодри за неутомимое гостеприимство в Лахоре. Спасибо Иномжону Мамадилиеву за организацию серии интервью в Худжанде и за то, что он поделился со мной своими взглядами на историю Центральной Азии. Спасибо Андреасу Эккерт, Марку Фрею, Марио дель Перо и Саре Лоренцини за приглашение в Тренто; Марку Мазоверу за парижские беседы, а Стивену Батальдену и Марку фон Хагену за беседы в Аризоне. Возможно, Тимоти Д. Снайдер этого и не знает, но его лекция на памятном мероприятии в честь Тони Джадта в Кингс-колледже в Кембридже, а также последующие лекции по глобальной истории повлияли на мои представления о том, как надо писать историю отдельного региона в глобальном контексте. Оценивавшие мою диссертацию Одд Арне Вестади и Дэвид Пристленд предложили мне превратить посвященную Советскому Союзу работу в более широкое исследование, затрагивающее вопросы, лежащие за пределами российской и евразийской истории.

В Гарварде беседы с такими учеными, как Эрец Манела, Терри Мартин, Келли О'Нил, Роджер Оуэн, Сергей Плохий и Брэд Симпсон, помогли мне понять, какую именно между-

народную историю я хочу написать. Дружба, завязавшаяся в Гарвардской академии международных и региональных исследований с Наором Бен-Йегудой, Джефффри Каном и Кэролайн Шустер, помогла мне расширить круг научного чтения по антропологии, а Назанин Шахрокни проявил невероятное терпение, когда я пытался говорить с ним по-персидски. Лоуренс Винни, исполнительный директор Гарвардской академии, поддерживал мой моральный дух в холодные зимние утра. Кэтлин Гувер, координатор программ Академии, оставаясь за кулисами, обеспечивала нашу академическую деятельность. Проведенная в том же году в Университете Майами конференция, организованная Центром Хэвигхерста, позволила мне познакомиться с Эдвардом Холландом, который дал предварительную критическую оценку шестой главы этой книги. М. Джамиль Ханифи на раннем этапе протянул мне руку помощи, объясняя, как устроен мир, в котором он вырос и который я пытался воссоздать. Эрец Манела и Авиэль Рошвальд выступили с конструктивной критикой, когда я готовил рукопись к сдаче, а два анонимных рецензента высказали замечания, которые помогли мне доработать текст на заключительных этапах. Элиза Александер спасла рукопись от многих неточностей и ошибок.

Исследование, представленное в этой книге, опиралось на поддержку нескольких учреждений. Фонд Родса щедро финансировал мои исследования в Оксфорде, а гранты Совета по международным исследованиям и обмену позволили мне предпринять две продолжительные поездки в Россию, Таджикистан и Узбекистан для сбора материала. Гранты от г-на М. Дж. Б. Палмера и д-ра Дэвида Фредерика помогли мне еще в начале работы совершить исследовательские поездки в Германию. Колледж Корпус-Кристи профинансировал поездку в Кыргызстан, а Европейская стипендия Скетчерд обеспечила поездку в Москву, где мне удалось добыть важнейшие материалы, которые я упустил из виду во время предыдущих визитов. Гарвардская академия международных и региональных исследований поддержала меня финансово в тот год, когда я переделывал диссертацию в книгу, и организовала обсуждение рукописи, когда книга только начала обретать какую-то форму. В связи с этим я благодарю не только участников той встречи – Томаса Барфилда, Дэвида Энгермана, Шаха Махмуда Ханифи, Чарльза С. Майера и Стивена Коткина, – но также Тимоти Колтона, который председательствовал на этом собрании, и Бенджамина Сигела за то, что он выступил в роли нашего «мунши». Наконец, Гарвардская академия и Американский институт афганских исследований выступили спонсорами чрезвычайно важной заключительной исследовательской поездки в архивы Шведского комитета по Афганистану и организации «Врачи без границ».

Во время этого и других визитов в архивы я опирался на опыт и суждения нескольких архивистов, без которых мое исследование было бы невозможно. Я бесконечно благодарен им всем, но особо хотел бы отметить троих. Профессор Шайста Вахаб оказала мне исключительную помощь при работе с собранием Артура Пола в Университете штата Небраска в Омахе, а Галина Михайловна Токарева, главный архивист комсомольского архива РГАСПИ (Российского государственного архива социально-политической истории), помогла мне получить представление о деятельности комсомола в Афганистане. Клас Бьюрстром из Шведского комитета по Афганистану (ШКА) принял участие в этом проекте на относительно позднем этапе, но я глубоко признателен ему за то, что он не только рассказал мне о Национальном архиве Швеции перед моим визитом, но и во время моего пребывания в Стокгольме показал мне Сёдермальм, познакомил со множеством людей, у которых я взял интервью, а главное – объяснил, что такое *fika*.

И все же, хотя ростки будущих книг и возникают благодаря фондам, библиотекам и архивам, прорасти и в конечном итоге расцвести их заставляет дружба. Андреас Кнаб и Райан Берг всегда готовы были подставить мне плечо в течение нашего совместного года в Оксфорде, а дружба с такими людьми, как Эйрик Бьорге, Лукас Браун, Кайл Хаддад-Фонда, Винсент Хофер, Харви Ледерман, Закари Миллер, Скотт Мур, Джефффри Шоу, Люк Свидерски, Ардеван Ягхуби и Антон Зыков, поддерживала меня в трудную минуту. В Москве моими верными

товарищами стали Октави Беллаванс, Алекс Хазанов, Том Хукер и Алессандро Иандоло, а во время жизни в других местах моими придирчивыми, но неизменно дружелюбными критиками были такие исследователи, как Джонатан Флугер, Кайвон Тегранян и Уильям Вахтер. На мне лежит неоплаченный долг перед Шоном Гриффином и Джоном Раймо за то, что они согласились по несколько раз прочесть некоторые разделы рукописи. И я не забыл, как мы с М. С. держались за руки на лугах у Эльбы и не только.

За время моих исследований несколько семей приглашали меня в свои дома. В Москве семья Быстровых принимала меня в течение месяца, а семья Крутеевых провела для меня экскурсию по Электростали и потом устроила дома праздничное застолье. Семья Жаныбердаевых предоставила убежище во время холодной зимы в Бишкеке, а семья Барно принимала душным летом в Душанбе. Замира Юсуфжонова помогала мне в Худжанде, а Лия Ильсар превосходно сыграла роль принимающей матери во время последующих поездок в российскую столицу. Однако семья, которой я обязан больше всего, – моя собственная. Родные поддерживали меня во всем во время этого непростого предприятия: начиная с того времени, когда дали возможность изучать историю с вдохновлявшими меня учителями, и до тех моментов, когда они, замирая, отпускали меня в далекие исследовательские поездки. Мир, который они мне дали, наш с ними общий мир, не всегда был легок для жизни, потому что они несли крест воспитания ребенка-аутиста. Но это наш мир, который все члены нашей семьи обогащают, оживляют и постоянно создают. Эта книга посвящается им.

Введение

Это был самый обычный день в аэропорту Ташкента – одного из крупнейших городов Советского Союза, столицы Узбекской ССР. Утренние рейсы аэрофлотовских «Ил-18» в Бухару и Самарканд давно улетели, и у одного из выходов стоял в ожидании дозаправки самолет DC-8 компании «Финнэйр», направлявшийся из Бангкока в Хельсинки. На поросшую травой полосу совершил посадку самолет из Новосибирска, и его пассажиры спустились по трапу. В кафетерии аэровокзала официанты разносили узбекский плов, но даже это не могло нарушить унылой неподвижности советского аэропорта. Такие же обшарпанные буфеты можно было увидеть по всей стране от Риги до Владивостока, такие же металлические бачки с кофе – от Киева до Казани¹. Огромный, отгородившийся от всего остального мира, СССР был не столько страной, сколько отдельной планетой. Однако, приглядевшись, даже в ташкентском аэропорту можно было заметить следы существования этого мира.

Среди пассажиров, прибывших из Новосибирска, был и Виктор Самойленко, журналист, получивший известность благодаря репортажам из Демократической Республики Афганистан – самого молодого в мире социалистического государства и южного соседа Советского Союза. Самойленко часто приходилось задерживаться в аэропортах во время бесконечных командировок по просторам советской Евразии. Однако здесь, в Ташкенте, было нечто особое. Он писал: «Говорят, что ташкентский аэропорт, несмотря на его кажущуюся схожесть с другими, впечатляет сильнее, дольше остается в памяти. <...> Здесь, как нигде чаще, встречались молодые Герои Советского Союза. И всем было ясно: Золотая Звезда получена „там“ за выполнение интернационального долга»².

Самойленко отыскал свой выход на посадку, из которого все еще выливался поток прибывших – «люди, побывавшие „там“, возвращающиеся из командировки советские специалисты и афганские дети, чьи родители погибли от рук душманов». Наконец, объявили посадку на его рейс. Пришло время возвращаться «туда» – в Афганистан.

Самойленко летел не один. Стоя в очереди, он разговорился с белорусским партийным работником, который рассказал журналисту о своей жизни. Во время войны его еще ребенком эвакуировали в Ташкент, и его вырастила узбекская семья. В детстве он думал, что его настоящие родители погибли, и взял фамилию своих узбекских опекунов. Однако оказалось, что мать выжила и после пятнадцати лет поисков нашла его в Узбекистане. Сначала он хотел вернуть себе первоначальную белорусскую фамилию, но в конце концов решил сохранить узбекскую – в честь «тех, перед кем он был в неоплатном долгу»³. Алимджан, по словам Самойленко, как и все его поколение, ориентировался на примеры из недалекого прошлого: советские семьи принимали беженцев во время гражданской войны в Испании, и это воспитывало «советского человека, человека-патриота и интернационалиста».

Самойленко, Алимджан и пестрая толпа – «геологи, строители, агрономы» – расселись в самолете отдельными группками «по интересам». Оказавшийся рядом с Самойленко общительный инженер – любитель статистики – стал рассказывать, что их ждет в Афганистане. «А теперь представьте себе, – говорил он, – что мы летим в страну, которая недавно занимала 127-е место в мире по уровню образования, 119-е по здравоохранению и 108-е по национальному доходу на душу населения, что средняя продолжительность жизни афганца составляла

---

¹ Интервью автора с Юрием Сальниковым. Волгоград, 4 ноября 2012 г.

² *Самойленко В. Г.* Как открываешь страну: Афганистан глазами очевидца / Лит. запись И. А. Бекиша. Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 1986. С. 10–11.

³ Там же. С. 12.

всего 40 лет»⁴. Когда самолет взлетел и направился на юг, опытный журналист стал ждать уже знакомого ему ритуала. Всякий раз, когда ему доводилось пересекать границу рейсами Аэрофлота, наступала «такая минута, когда тебе скажут: за бортом началось чужое небо»⁵. Как и все пассажиры, он смотрел в иллюминатор: самолет приближался к южной границе СССР – реке Амударья. Зажглась лампочка оповещения. Самойленко прислушался. Голос по громкой связи объявил: «Афганистан!»

Самолет вошел в воздушное пространство страны, находящейся в самом сердце Центральной Азии, которая соседствует на севере – с Советским Союзом, на западе – с Ираном, а на юге и востоке – с Пакистаном. «Ил» пролетал над северными территориями, населенными народами, говорящими на тюркских и иранских языках; внизу уже проплывал Гиндукуш. До тех пор, пока советские инженеры в 1964 году не построили через горы туннель, этот хребет отделял не только бассейн Амударьи от бассейна Инда, но и разделял всю страну надвое. Самолет миновал вершины и начал спускаться к Кабулу – столице, расположенной на густонаселенном востоке страны. Еще восточнее Кабула виднелся хребет Сафедкох на границе Афганистана и Пакистана, прорезанный рекой Кабул, притоком Инда. Южнее, вдоль построенной американцами кольцевой дороги, простиралась фруктовые сады и плантации бассейна реки Гильменд; в этих краях расположен второй по величине город страны – Кандагар. Все эти восточные и южные окраины – родина пуштунов, народа, говорящего на индоиранском языке пушту. Специалисты полагают, что их численность составляет от семи до восьми миллионов человек и, таким образом, они составляют большинство населения страны. Однако за пределами Афганистана – в основном в соседнем Пакистане – живет еще больше пуштунов. Кроме того, в Афганистане проживает множество таджиков, узбеков, хазарейцев, кызылбашей и других этнических групп. Поэтому неудивительно, что некоторые ученые называют Афганистан «мечтой этнографа»⁶.

---

⁴ Там же. С. 14.

⁵ Там же. С. 14–15.

⁶ Dupree L. Untitled Book Manuscript, 45. Louis Dupree Papers, Box 5, Peabody Natural History Museum Special Collections, Harvard University.

Ил. 1. Центральная Азия времен холодной войны, около 1947–1991 годов с указанием стран, регионов и советских республик. Восходящая к колониальной эпохе линия Дюранда, обозначенная пунктиром, создавала фактическую границу между Афганистаном и Пакистаном, однако Кабул никогда не признавал ее в качестве законной международной границы. Карта составлена автором. На карте слева направо и сверху вниз: Туркменская ССР; Советский Союз; Таджикская ССР; Китай; Афганистан; Кабул; Исламабад; линия Дюранда; Пенджаб; Иран; Белуджистан; Пакистан; Аравийское море; Синд; Индия

В 1747 году Афганистан стал монархией, а в 1919 году добился независимости от Англии. Начиная с 1929 года страной правил пуштунский род из племени мухаммадзай, принадлежавшего к племенному союзу дуррани из южного Афганистана. Первый шах был убит через три года после начала правления, но его сын, Мухаммед Захир-шах (он не имел отношения к иранскому шаху), правил страной тридцать девять лет, в течение которых его регенты, премьер-министры и он сам не допускали никакого народовластия. В стране проводилась умеренная модернизация. Государство не предъявляло больших требований к народу, а народ – к государству. Это казалось мудрой политикой: на фоне того, что творилось в регионе – крах империй, революции, мировые войны, раздел Индии, – Афганистан в течение пятидесяти лет пребывал в покое. Вместо того чтобы следить за происходящим в Вашингтоне или Москве, осторожное кабульское правительство привлекало иностранных специалистов для развития экономики и реформирования государства. И даже когда летом 1973 года двоюродный брат

Захир-шаха, премьер-министр Мухаммед Дауд-хан сверг монархию, Афганистан все еще оставался островком относительной стабильности в бурном море холодной войны.

Однако вскоре все резко изменилось. Вечером 27 апреля 1978 года афганские коммунисты, называвшие себя Народно-демократической партией Афганистана (НДПА), свергли и убили Дауда и провозгласили страну демократической республикой. Так Афганистан стал вторым (после Южного Йемена) коммунистическим государством с преимущественно мусульманским населением и одной из социалистических стран третьего мира. В отличие от своих предшественников времен монархии, руководство НДПА, в котором было много пуштунов из проживающего на востоке племени гильзаев, навязало сельскохозяйственной стране радикальные перемены. Государству, непосредственно граничившему с южными республиками СССР, грозила гражданская война, а афганские коммунисты еще и усугубляли кризис своими внутрипартийными раздорами и убийствами. Наконец, 24 декабря 1979 года Советский Союз, не игравший никакой роли в начале так называемой Апрельской революции, вторгся в Афганистан. Сначала в Кабул был заброшен спецназ, ликвидировавший прежнее руководство НДПА, чтобы освободить место новым лидерам, а затем страну оккупировали десятки тысяч советских солдат. Интервенция привела к катастрофе: из приблизительно пятнадцати миллионов человек, населявших Афганистан в 1979 году, треть превратилась в беженцев, искавших приют за пределами страны, а еще одну треть в конечном итоге составили раненые и внутренние беженцы. Больше миллиона афганцев было убито. Но наряду с этой кровавой бойней шел и другой процесс. Тысячи советских людей, желавших помочь афганцам в создании нового государства – в том числе и те, кто летел одним рейсом с Самойленко, – вместе с десятками тысяч местных коммунистов превращали Афганистан в испытательный полигон для построения социализма в масштабах национального государства.

У этих строителей светлого будущего были противники. Сотни тысяч повстанцев действовали по ту сторону линии Дюранда – оставшейся от колониальных времен границы, отделяющей Афганистан от Пакистана. Они вели вооруженную борьбу с афганским коммунистическим государством и советскими оккупационными войсками. При поддержке пакистанских спецслужб и с помощью миллиардов долларов американской военной помощи афганские повстанцы – моджахеды – превратились в грозных бойцов, участников одного из главных конфликтов времен холодной войны. На стороне моджахедов действовали также и неправительственные организации, возглавляемые европейскими общественными деятелями, полагавшими, что будущее не за социализмом и не за национальным государством, а за транснациональными моральными ценностями. У истоков этого проекта гуманитарной посттерриториальности стояли разочарованные европейские левые, которым пришлось столкнуться с «реальным социализмом» в тех местах на планете, где разные социальные уклады наложились друг на друга после крушения колониализма. Афганистан стал не просто еще одной площадкой, на которой разыгрывался спектакль холодной войны с участием СССР и его врагов, но местом, где решался вопрос об отношении людей левых убеждений к идее национального государства в третьем мире. Некогда зажатый между империями и прежними границами, Афганистан стал полем битвы двух несовместимых подходов к проблеме суверенитета в третьем мире: советским территориальным авторитаризмом, с одной стороны, и постгосударственным гуманитаризмом – с другой. Спор этих двух концепций, протекавший в условиях межрегиональной гражданской войны, выявил роль Афганистана не как «кладбища империй», а скорее как кладбища идеи национального государства в третьем мире.

Как это происходило, может поведать рассказ о таких людях, как Самойленко и его направлявшиеся в Кабул коллеги. Это история усилий, предпринимавшихся еще до вторжения американскими и западногерманскими «государственниками», с одной стороны, и история противостоявших Советам европейских благотворительных организаций – с другой. Это рассказ об афганцах, которые стали партнерами и для тех и для других. Это история борьбы

между территориальным принципом построения государства и транснациональными идеями. Это история, тесно связанная с холодной войной и в некотором смысле возвышающаяся над ней. Другими словами, это то, что рассказано в данной книге. Однако, прежде чем приступить к рассказу, нужно представить исторический контекст и решить вопрос о том, как писать историю страны, настоящее которой восходит к тесно взаимосвязанным глобальным проектам, которые будут описаны и проанализированы в следующих главах.

В поисках современного Афганистана

«По сравнению с соседними странами, – пишет историк Найл Грин, – Афганистан остается в определенной мере белым пятном на карте исторической науки. Он попадает в провал между зонами интересов исследователей Ближнего Востока, Южной и Центральной Азии и потому во многом остается у историков последней большой „ничейной“ территорией, которую они не столько оспаривают друг у друга, сколько сообща игнорируют»⁷. Научных ассоциаций по изучению «Восточной Азии», «Ближнего Востока» или «Южной Азии» предостаточно, но центров исследования Центральной Азии, а тем более конкретно Афганистана, очень немного. «Несмотря на значительный всплеск научных работ в 1960-х годах, – продолжает Грин, – и несмотря на усилия, предпринимавшиеся небольшим, но весьма влиятельным сообществом ученых, афганская история так и не превратилась в самостоятельную область исторической науки и не вошла в сферу интересов исследователей какого-либо из соседних регионов».

Как же так получилось? Континуальный характер территорий, занимаемых Персией, Афганистаном и южными окраинами российского Туркестана, был очевиден для российских и британских империалистов, не говоря уже о самих жителях этого региона. Однако в 1950–1960-е годы старые имперские границы вкупе с мировоззрением времен холодной войны привели к тому, что афганские исследования потеряли «прописку». Железный занавес не только отделил «восточную» Европу от «западной», но и оторвал советскую Евразию от остального тюрко-персидского мира как в политическом, так и в эпистемологическом отношении⁸. Советские академические институты различали «Среднюю Азию» (Узбекская, Таджикская, Туркменская и Киргизская ССР) и «Ближний Восток» (Турция, Иран, Афганистан и Пакистан), а американские советологи рассматривали СССР как единое целое, фрагментируя тем самым возможные подходы к истории Евразии. Еще хуже было то, что академические ученые обычно помещали Иран в пределы преимущественно арабского «Ближнего Востока», а Пакистан относили к «Южной Азии». Молодые ученые усваивали эти парадигмы в процессе обучения. Старшее поколение востоковедов ушло на покой как раз перед тем, как научно обоснованная критика английского и французского отношения к арабскому миру дискредитировала концептуальный язык «ориентализма». Многое из того, что больше не преподавалось, было забыто.

Как же в таком случае преодолеть те схематические категории, которые достались нам в наследство от холодной войны? Очевидно, что здесь недостаточно просто сшить лоскутное одеяло из различных национальных историй. Проблематичность такого подхода особенно ясна как раз по отношению к Афганистану: как объясняет афганско-американский историк Шах Махмуд Ханифи, в литературе постоянно неверно употребляется понятие «афганский», особенно в тех случаях, когда им заменяют термины «патанский» или «пуштунский»⁹. Если копнуть глубже, то афганская национальная история покажется еще темнее из-за менявшихся в период между 1747 и 1893 годами значений слова «Афганистан». Более того, эти запутанные понятия часто пропускались через идеологический фильтр колониальными историками, вроде Маунтстюарта Эльфинстона, стремившимися закрепить представление об Афганистане как о неизменной географической данности, управляемым из Кабула государством, в котором главную роль играли пуштуны, но которому в то же время почему-то угрожали пуштунские племена¹⁰. Вместо того чтобы просто поместить эту колониально-ориентированную афганскую

⁷ Green N. Introduction. Roundtable on «The Future of Afghan History» // International Journal of Middle East Studies. 2013. № 45. P. 127.

⁸ Snyder T. D. Remarks at Memorial Event to Tony Judt, March 23, 2012, King's College, Cambridge, United Kingdom.

⁹ Hanifi Sh. M. Quandaries of the Afghan Nation // Crews R., Bashir Sh. (Eds.) Under the Drones: Modern Lives in the Afghanistan-Pakistan Borderlands. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2012. P. 86.

¹⁰ Hanifi Sh. M. Op. cit. P. 87–88.

национальную историю в один ряд с историями иранскими, пакистанскими или (пост)советскими, нам следует заняться трансрегиональным анализом с учетом того, что националистические нарративы сами по себе являются продуктом постоянных – часто насильственных материальных, военных и эпистемологических – взаимодействий с империей¹¹.

Такой подход требует борьбы с историографическими традициями холодной войны, которые продолжают доминировать в исторических сочинениях. Американские исследования Афганистана, как пишет Ханифи, всегда были «составной частью политики холодной войны и формой сбора Соединенными Штатами разведывательных данных»¹². Дональд Уилбер, ветеран Управления стратегических служб, который получил докторскую степень по истории персидской архитектуры, а потом стал одним из «архитекторов» инспирированного англичанами и американцами свержения в 1953 году премьер-министра Ирана Мохаммеда Моссадыка, в 1962 году написал первую серьезную работу по проблемам Афганистана¹³. Однако главной фигурой времен холодной войны в американских исследованиях этой страны был Луис Дюпри, ветеран Второй мировой войны и опытный профессиональный археолог¹⁴. С 1959 по 1978 год он жил в Кабуле, а с 1978 по 1983 год – в Пешаваре. Дюпри принадлежал к числу политически неангажированных американцев, объяснявших внешнему миру, что представляют собой те народы, которые, как считалось, были обращены «к самим себе» или страдали «ксенофобией»¹⁵. Однако «энтузиазм» и «страстность» подобных ученых проявлялись на фоне слабой институционализации изучения Афганистана и отсутствия критического отношения к таким понятиям, как «афганский» и «Афганистан».

Из размышлений Ханифи не стоит делать вывод о том, что в посвященной Афганистану научной литературе XX века господствовали американцы. Напротив, наиболее плодотворные труды были написаны советскими учеными, хотя наши знания советского научного наследия остаются весьма слабыми. Отчего так происходит? Одна из причин заключается в тенденциозном отношении к советской науке, характерном для проникнутой ксенофобией эпохи холодной войны. Как указывал Анатолий Ливен, такие историки, как Ричард Пайпс, подчеркивали «глубокую внутреннюю связь и преемственность всей русской истории, предопределившей ее развитие от Средневековья и царской империи к Советскому Союзу и постсоветскому настоящему»¹⁶. Другие преуменьшали внутренний российский деспотизм, но зато преувеличивали внешний экспансионизм, утверждая, что «для русских и русской культуры извечно и исконно характерны империализм, агрессия и экспансия». Если не считать превосходных работ Джерри Хафа, Фрэнсиса Фукуямы и Анджее Корбонского, все написанные в годы холодной войны исследования России отличаются самой настоящей паранойей, мешавшей сколько-нибудь серьезно изучать труды советских ученых, не говоря уже о взаимодействии на уровне идей и подходов.

Тому, кто собирается писать о советско-афганских отношениях, предстоит решать весьма специфические задачи. Англоязычные сочинения часто восходят к старой британской тради-

---

¹¹ Noelle-Karimi Ch. Maps and Spaces. Roundtable on «The Future of Afghan History» // International Journal of Middle East Studies. 2013. № 45. P. 142. Многообещающим исследованием в этом направлении (вышедшим уже после того, как эта книга была сдана в печать) является: Crews R. Afghan Modern: The History of a Global Nation. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2015.

¹² Hanifi Sh. M. Op. cit. P. 96.

¹³ Wilber D. Afghanistan: Its People, Its Society, Its Culture. New Haven: HRAF Press, 1962.

¹⁴ Главное сочинение Дюпри называется «Афганистан»: Dupree L. B. Afghanistan. Princeton: Princeton University Press, 1973.

¹⁵ По свидетельству Шаха Махмуда Ханифи, когда его отец (выпускник элитных афганских учебных заведений, учившийся затем в США) в середине 1950-х годов познакомился с Луисом Дюпри, первое, о чем американец спросил его, есть ли у афганского министерства обороны собственная разведывательная служба: странное начало разговора для человека, чей главной областью занятий была археология. Следует напомнить, что в то время, когда Дюпри задал этот вопрос, СССР только начинал обучать афганскую армию. Личный разговор с Шахом Махмудом Ханифи, 4 апреля 2014 г.

¹⁶ Lieven A. Chechnya: Tombstone of Russian Power. New Haven: Yale University Press, 1998. P. 5.

ции трактовать Афганистан как «кладбище империй», как будто условия имперских войн не менялись с 1880-х годов или как будто почти полное уничтожение афганского народа тремя процентами советских Вооруженных Сил представляло собой славную победу этого народа¹⁷. Однако эти англоязычные сочинения повлияли и на отношение к истории самих афганцев. Американский историк афганского происхождения Мухаммед Хасан Какар характеризует русских как людей политически отсталых и «поздно пришедших в лоно цивилизации»¹⁸. Какар утверждает, что «безбожные коммунисты» стремились «безжалостно подавить» афганцев – так же, как поступили «русские» с «мусульманской Бухарой». Бывший премьер-министр Афганистана Мухаммед Хасан Шарк также связывает вторжение Советского Союза с дьявольской логикой российского экспансионизма¹⁹. По иронии судьбы образ местных жителей как мусульман-фанатиков, который «усердно культивировался и коварно использовался британцами в Индии», был вновь взят на вооружение бывшими афганскими коммунистами, желавшими подчеркнуть свою приверженность национальной идее²⁰. Историческая наука об Афганистане, бывшая парией на протяжении большей части XX века, по-прежнему остается в плену категорий, характерных для времен колониализма и холодной войны и изначально предназначенных для ее порабощения.

Такое научное наследие одновременно создает большие проблемы и предоставляет большие возможности для любого, кто берется за изучение афганской истории XX века, особенно в период между 1929 и 1978 годами. Как указывает Найл Грин, ученые стремятся исключить из анализа целые десятилетия, ограниченные двумя яркими событиями – крахом режима Амануллы и свержением клана мусахибанцев. И все же этот способ обращения с историей «является классическим примером националистического подхода: афганцы создали национальное государство, неафганцы его разрушили. Рассуждая так, мы упускаем из виду и множественность голосов, которые не слышны за громким призывом к единению нации, и значительную часть транснациональных процессов, происходивших на протяжении всего XX века»²¹. В результате исчезает какой бы то ни было «цементирующий эти процессы состав», способный соединить национальные явления начала XX века с эпохой вхождения в глобальную историю в 1970-е годы, и в результате историки вынуждены довольствоваться лишь «горсткой действующих лиц и примитивным набором аналитических приемов». Пространство – первый аспект, нуждающийся в переосмыслении при изучении Афганистана, а предполагаемая глобальность или неглобальность истории страны в различные периоды XX века – второй из таких аспектов.

---

¹⁷ Выражение «кладбище империй» обычно приписывают афганскому интеллектуалу Махмуду Тарзи (1865–1933).

¹⁸ *Kakar M. H. Afghanistan: The Soviet Invasion and the Afghan Response, 1979–1982.* Berkeley: University of California Press, 1995. P. 125–126.

¹⁹ *Sharq M. H. The Bare-Foot in Coarse Clothes.* Peshawar: Area Study Centre of University of Peshawar, 2000.

²⁰ *Hanifi Sh. M. Op. cit.* P. 95.

²¹ *Green N. Locating Afghan History. Roundtable on «The Future of Afghan History» // International Journal of Middle East Studies.* 2013. № 45. P. 132.

В поисках глобальной истории

Но что означает написать глобальную историю Афганистана, да и любой другой страны? «Каким образом, – задается вопросом Ванесса Огл, – можно концептуализировать историю глобальных потоков и связей, если она потенциально охватывает не что иное, как весь „мир“? Ведь нельзя охватить все на свете»²². Чтобы как-то ответить на этот вопрос, необходимо прежде отделить глобальный масштаб от масштаба дипломатических отношений, или, как в случае XX века, от холодной войны. Традиционно историки считали само собой разумеющимся, что скрупулезное изучение дипломатической переписки раскрывает «все интриги монархов и государственных деятелей» и дает нам подлинную «картину прошлого, объясняющую настоящее»²³. Однако к началу 1980-х годов дипломатическая история оказалась атакована со всех сторон²⁴. «К сожалению, история международных отношений не может быть причислена к новаторским областям исторической науки в 1970-е годы», – отмечал Чарльз Майер²⁵.

К счастью, новые источники и методологические новации позволили опровергнуть эти обвинения. Имперский поворот в исторической науке многих стран, в том числе и Соединенных Штатов, дал импульс изучению обмена информацией не только в политической и дипломатической сферах. Обращаясь к архивам коммерческих фирм, неправительственных организаций и университетов, а также используя постколониальную теорию, историки международных отношений сделали предметом своих исследований не только войны, но и хлопок, жизнь отдельных сообществ и пригородов²⁶. Через два с половиной десятилетия после открытия архивов стран Восточного блока, Китая, бывшей Югославии и других стран история холодной войны превратилась в процветающую дисциплину с собственными журналами, институтами и дебатами²⁷.

Однако иногда уверенность в том, что «вопросы войны и мира являются самыми фундаментальными», ведет к написанию истории с точки зрения американского советника по национальной безопасности – или члена советского Политбюро²⁸. Очевидно, что переговоры министров иностранных дел, президентов и генеральных секретарей играли важнейшую роль, поскольку «ведущие политики могут самым фундаментальным образом изменить условия жизни и труда людей». Но, кроме них, есть и другие факторы: реальная или предполагае-

²² Ogle V. Whose Time Is It? The Pluralization of Time and the Global Condition, 1870s–1940s // *The American Historical Review*. 2013. December. № 188(5). P. 1377.

²³ Bullen R. What Is Diplomatic History? // *Gardiner J. (Ed.) What Is History Today?* London: Macmillan Education, 1988. P. 135.

²⁴ Maier Ch. S. Marking Time: Contemporary Historical Writing in the United States // *The Past Before Us: Contemporary Historical Writing in the United States*. Ithaca: Cornell University Press, 1980. P. 355–387; de Conde A. What's Wrong With American Diplomatic History? // *Newsletter of the Society of Historians of American Foreign Relations (SHAFR Newsletter)*. 1970. May. № 1; Patterson D. S. What's Wrong (And Right) with American Diplomatic History? A Diagnosis and a Prescription // *SHAFR Newsletter*. 1978. September. № 9. P. 1–14.

²⁵ Maier Ch. S. Op. cit. P. 355. Осмысление Майером состояния исторической науки несколькими десятилетиями позднее см.: Maier Ch. S. *Return to Rome: Half a Century of American Historiography in Light of the 1955 Congress for International Historical Studies* // *La storiografia tra passato e futuro (II X Congresso Internazionale di Scienze Storiche (Roma 1955) cinquant'anni dopo)*. Rome, 2008. P. 189–211.

²⁶ Beckert S. *Empire of Cotton: A Global History*. New York: Knopf, 2014; Immerwahr D. *Thinking Small: The United States and the Lure of Community Development*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2015; Friedman A. *Covert Capital: Landscapes of Denial and the Making of U. S. Empire in the Suburbs of Northern Virginia*. Berkeley: University of California Press, 2013.

²⁷ См., например, посвященную холодной войне книжную серию, издаваемую в Университете Северной Каролины, или работу редактора этой серии: Westad O. A. *The Global Cold War: Third World Interventions and the Making of Our Times*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005.

²⁸ Trachtenberg M. What's the Problem? A Research Agenda for Diplomatic History // *H-Diplo State of the Field Essay*. October 10, 2014; del Pero M. *Tra lunghe paci i guerre fredde*. La storiografia di John Lewis Gaddis (2005); Judt T. *A Story Still to Be Told* // *New York Review of Books*. 2006. March 23.

мая угроза перенаселения, оспы, глобального потепления²⁹. Наиболее убедительные исследования отвергают жесткое разграничение структурных изменений и дипломатических отношений, показывая, как «меняющиеся формы транснационального как такового» взаимодействуют с историей, извлеченной из государственных архивов³⁰. В них подчеркивается, что биполярный конфликт неотделим от развития того общего состояния мира, корни которого уходят в 1870-е годы, но которое резко изменилось в 1970-е годы³¹. В то время как сама глобальная история в настоящее время представляет собой самостоятельную исследовательскую область, глобальный поворот необратимо повлиял на все национальные истории, и не в последнюю очередь на ту часть исторической науки, которая занимается Россией и Советским Союзом³².

Данная книга методологически следует за указанными выше трудами, помещая историю развития Афганистана в контекст глобальных преобразований понятия «суверенитет». В частности, здесь утверждается, что трудный опыт холодной войны в Афганистане можно лучше всего понять через призму глобальных дискуссий о правах и обязанностях, связанных с постколониальным суверенитетом. Афганистан представляет собой вовсе не забытое богом место, полностью оторванное от глобальных процессов, и путь, пройденный этой страной в XX веке – от британского протектората к международному протекторату через периоды независимости и советской оккупации, – может быть объяснен только с учетом изменений в глобальных нормах, относящихся к обещаниям и ловушкам постимперской государственности. Хотя другие постколониальные страны тоже прошли нелегкий путь, Афганистан не только искал свое место в мире дольше, чем почти любая из них, но, пожалуй, теснее и разнообразнее взаимодействовал и с советским социализмом, и с европейским гуманизмом, и с транснациональным исламом. Именно благодаря разнообразию контактов со столь разными подходами к постколониальной государственности и международному порядку история этого «забытого» уголка планеты помогает лучше понять «большую» историю.

---

²⁹ *Connelly M.* A Diplomatic Revolution: Algeria's Fight for Independence and the Origins of the Post-Cold War Era. Oxford: Oxford University Press, 2002. P. X; *Cullather N.* The Hungry World: America's Cold War Battle Against Poverty in Asia. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2010; *Connelly M.* Fatal Misconception: The Struggle to Control World Population. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2008; *Manela E.* A Pox on Your Narrative: Writing Disease Control into Cold War History // *Diplomatic History*. 2010. April. № 34(2). P. 299–323.

³⁰ *Beckert S.* Das Reich der Baumwolle: Eine globale Geschichte // *Conrad S., Osterhammel J.* (Eds.) Das Kaiserreich transnational: Deutschland in der Welt 1870–1914. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2004. P. 301; *Bayly C. A.* The Birth of the Modern World, 1780–1914. Malden: Blackwell, 2004; *Osterhammel J.* Die Verwandlung der Welt. Eine Geschichte des 19. Jahrhunderts. München: C. H. Beck, 2009; *Link S.* Transnational Fordism: Ford Motor Company, Nazi Germany, and the Soviet Union in the Interwar Years. PhD Dissertation, Harvard University, 2012; *Tworek H.* Magic Connections: German News Agencies and Global News Networks, 1905–45. PhD Dissertation, Harvard University, 2012; *Ogle V.* The Global Transformation of Time, 1879–1950. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2015; *Siegelberg M.* Statelessness: An International History, 1921–1961. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2019.

³¹ *Bright Ch., Geyer M.* World History in a Global Age // *The American Historical Review*. 1995. October. № 100(4). P. 1034–1060; *Maiier Ch.* Consigning the Twentieth Century to History: Alternative Narratives for the Modern Era // *The American Historical Review*. 2000. June. № 105(3). P. 807–831; *Bright Ch., Geyer M.* Where in the World is America? The History of the United States in the Global Age // *Bender Th.* (Ed.) Rethinking American History in a Global Age. Berkeley: University of California Press, 2002. P. 63–100.

³² См. работу, которая, впрочем, сосредоточена в большей мере на отношениях между СССР и третьим миром, чем на глобальных аспектах: *Engerman D.* The Second World's Third World // *Kritika*. 2011. Winter. № 12(1). P. 183–211; в качестве примера из области американской истории см.: *Bender Th.* (Ed.) Rethinking American History in a Global Age. Berkeley: University of California Press, 2002.

Глядя вперед

Такая судьба Афганистана объясняется тем, что эта страна стала отражением всего мирового порядка как пример «разорванного на части» пространства в процессе становления территориальной государственности. Способ управления, принятый в Дурранийской империи, захватившей в начале XIX века большую часть тех земель, которые в наше время занимают Афганистан и Пакистан, наилучшим образом подходил для засушливой и малонаселенной Центральной Азии и сводился к тому, чтобы «...управлять лучшими участками... и держаться подальше от тех территорий, которые не сулят выгоды правителям или имеют небольшую стратегическую ценность»³³. Эмиры дурранийской державы не имели «географических притязаний», то есть не стремились удержать своих подданных на определенной территории и потому никогда не очерчивали границ своих владений и не проводили переписей³⁴. Но с 1871 по 1896 год сопредельные с будущим Афганистаном государства сами установили границы Персии, российского Туркестана, Бухарского эмирата, Цинской и Британской империй. Роковым стал 1893 год, когда британские колониальные власти в два раза увеличили денежные субсидии Кабулу в обмен на демаркацию англо-афганской границы – линии Дюранда³⁵. Эта линия длиной 1640 миль была прочерчена год спустя, чтобы де-факто разделить Британскую Индию и эмират Афганистан. Хотя англичане сохранили контроль над внешней политикой Афганистана, они обязались не проникать западнее линии Дюранда, очертив тем самым пространство афганского суверенитета.

Таким образом, Афганистан стал частью территориально-государственной системы, не имея ни людей, ни компетенций, необходимых для реального воплощения своей территориальности. Более того, однажды влившись в эту систему, он потерял возможность возвращения к прежнему положению вещей. После третьей англо-афганской войны Афганистан превратился в суверенное постколониальное государство – это произошло раньше, чем подобные суверенизации стали мировым трендом. Обособление Пакистана от Британского Раджа в результате раздела Индии в 1947 году еще больше осложнило афганскую территориальную головоломку, решать которую предстояло, не выходя за колониальную линию Дюранда, хотя официальный Кабул никогда не признавал ее в качестве границы. Вскоре неопределенность статуса этой линии стала играть двойную роль: она заключала в себе и потенциальную возможность, и потенциальную угрозу. Считать эту линию границей раз и навсегда определившейся территории означало обречь Афганистан на судьбу «несостоявшегося государства». А трактовать линию Дюранда в ирредентистском духе, вселяя надежду на перекройку границ, означало дать Кабулу средство давления на Пакистан. По мере того как военные инструкторы, экономисты и картографы очерчивали границы стран и строили национальные экономики по обе стороны линии, унаследованная от колониализма неопределенность ее статуса становилась все более явной.

С неясностью границ Афганистана самым роковым образом связаны и стычки, начавшиеся после «десятилетия развития» – 1960-х годов. Катализатором послужило неожиданное для многих вмешательство Советского Союза в роли защитника идеи территориальности. На протяжении большей части советской истории официальная идеология провозглашала, что СССР станет утопическим коммунистическим обществом³⁶. Предполагалось, что государство

---

³³ *Barfield Th.* Afghanistan: A Cultural and Political History. Princeton: Princeton University Press, 2010. P. 68.

³⁴ *Maier Ch. S.* Leviathan 2.0: Inventing Modern Statehood. Cambridge, MA: The Belknap Press of Harvard University Press, 2012. P. 166.

³⁵ *Hanifi Sh. M.* Mapping Afghanistan (рукопись). P. 3.

³⁶ В речи на XXII съезде КПСС 31 октября 1961 года Н. С. Хрущев провозгласил, что «нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме», а принятая на этом съезде программа партии подтвердила, что к 1980 году «в СССР

в конечном итоге отомрет. Однако в 1970-е годы, когда акторы мировой политики столкнулись с необходимостью взаимодействовать с возникшими повсюду национальными государствами и получившими независимость постколониальными странами, официальная доктрина изменилась³⁷. Лидеры СССР и Восточного блока настаивали на том, что построили «развитой социализм» или «реальный социализм» – самый близкий к желаемой утопии проект, который *осуществим* в условиях капиталистического окружения. Этот «неутопический» советский социализм с точки зрения их политической теории был единственным реалистичным образом будущего³⁸. Империалистическая агрессия вынудила коммунистов отказаться от идеи мировой революции и заменить ее тезисом о революции в масштабе национального государства, которое преобразует свои внутренние общественные отношения, опираясь на право территориального суверенитета.

Эта трансформация теории социализма привела к переосмыслению западного гуманизма как вызова социализму и национальному государству третьего мира. Так совершился решающий поворот, без которого невозможно объяснить рост европейского гуманитарного интереса к Афганистану – одной из самых периферийных стран в мире. Этот поворот особенно поразителен в случае Франции и Швеции – стран, которые провели две крупнейшие международные гуманитарные операции, чтобы противостоять советскому социализму в Афганистане. Во Франции группу, которая впоследствии получила название «Врачи без границ», возглавляли бывшие коммунисты, имевшие большой жизненный опыт и лишившиеся коммунистических иллюзий сначала вследствие подавления «Пражской весны», а затем вследствие международного кризиса, связанного с «людьми в лодках» – беженцами из коммунистического Вьетнама. «Врачи без границ» стремились защитить не столько права человека во всем мире, сколько «право на жизнь для вьетнамцев», и потому вскоре перешли на антитоталитарные позиции и стали рассматривать авторитарные границы как бессмысленную условность в тех случаях, когда на карту были поставлены человеческие жизни³⁹. В Швеции интеллектуалы, сторонники маоистской альтернативы советскому империализму, провели в оккупированном Афганистане крупнейшую гуманитарную кампанию. Культ партизанского сопротивления уступил место религии гуманности. Как вспоминал один из активистов, «многие из нас не только рассматривали войну во Вьетнаме как оправданную и оборонительную, но и считали вьетнамцев другим типом людей, отличавшимся от нас большим благородством. Но потом мы поняли, что в главном вьетнамцы похожи на нас»⁴⁰. Если советские идеологи полагали, что политическая борьба будет протекать в отдельно взятом национальном государстве, то европейские левые пошли другим путем. Тезис о социализме в отдельно взятой стране уступил место тезису о единой нравственности на планете.

Поэтому, когда 24 декабря 1979 года СССР вторгся в Афганистан и миллионы афганцев были вынуждены бежать в Пакистан, это послужило оправданием для вмешательства западных гуманитарных организаций. То, как гуманитарные НГО осуществляли свое вмешательство, предвещало важную перемену в обычной манере действий левых и в их политике. Неправительственные организации, противостоявшие советским государственным органам, проявили себя «не как противники, выступающие против государства *снизу*, а как создатели *горизонтальных* альтернатив государственным органам», которые воспользовались неопределенным статусом

коммунистическое общество будет в основном построено».

³⁷ Irwin R. M. Decolonization and the Cold War // Daigle C., Kalinovsky A. (Eds.) The Routledge Handbook of the Cold War. London: Routledge, 2014. P. 91–104.

³⁸ Snyder T. D. Public Lecture, «Not Even Past: History, Russia, Ukraine and Europe». 2014. June 4 // <https://krytyka.com/en/solutions/podcasts/video/public-lecture-timothy-snyder-not-even-past-ukrainian-histories-russian> (дата обращения: 05.02.2021).

³⁹ Brauman R. Mémoires. Paris: Juillard, 1983. Цит. по: Vallaeys A. Médecins sans Frontières: La biographie. Paris: Fayard, 2004. P. 290.

⁴⁰ Forssell S. För Afghanistan! // Tioår av solidaritet. Special 1991 Issue of Afghanistan-Nytt. P. 6. Personal Archive of Anders Forsberg, Uppsala, Sweden.

линии Дюранда, чтобы бросить вызов «социализму в масштабе национального государства» ради общечеловеческой морали⁴¹. Их лозунгом был суверенный индивидуализм, а не подчинение под лозунгом интернационализма. Советники из СССР считали, что афганцы – это политические субъекты, которых можно сплотить в единой борьбе за справедливость. В отличие от них, гуманитаристы в качестве оправдания своего вмешательства в афганское государственное пространство указывали на страдания людей. Их целью было не уничтожение неравенства, а возвращение общества к тому состоянию, в котором оно пребывало до катастрофы. По сравнению со ста тысячами советских солдат и тысячами советских советников, дислоцированных на афганской территории, примерно полтора десятка людей, разместившихся в полевых условиях в Пешаваре, казались чем-то несерьезным. Но их работа была частью общего дела, которым занималась транснациональная армия, состоявшая из получивших новейшее оружие нескольких сотен тысяч моджахедов. Под контролем этих бойцов находилась хорошо им знакомая и составлявшая большую часть страны территория за исключением контролируемых Советским Союзом городов и дорог. Вплоть до ухода советских войск из Афганистана в 1989 году непредставимый ранее союз бывших левых и исламистов действовал на благо большинства афганцев внутри формально суверенного государства.

Как советское, так и гуманитарное вторжения в Афганистан привели к весьма неоднозначным последствиям. В самом регионе, где шла борьба, пакистанские власти воспользовались общими интересами повстанцев-моджахедов и беженцев, появившихся вследствие советской оккупации, с одной стороны, и международных гуманитарных групп «антигосударственников», – с другой, полагая, что целью всех этих сил являются развал и уничтожение Демократической Республики Афганистан. В течение многих десятилетий пуштунский ирредентизм, часто направлявшийся левыми, угрожал территориальной целостности Пакистана. Однако, когда попытки навечно зафиксировать линию Дюранда в качестве границы между двумя государствами потерпели неудачу, Пакистан воспользовался двумя доминирующими тенденциями левой политики конца XX века – советской территориальностью и гуманитарной посттерриториальностью, – чтобы превратить территории, на которые претендовали афганские ирредентисты, в пространство для экспериментов – не только био-, но и геополитических.

Более того, в глобальном масштабе надежды и амбиции, которые и СССР, и западные гуманитарии связывали с национальным государством третьего мира, не оправдались. В середине 1980-х, пока «Врачи без границ» и «Шведский комитет по Афганистану» сражались с советским социализмом на территории третьего мира, европейские социалисты и советские коммунисты перенаправили свою политическую энергию из третьего мира в Европу. Когда СССР не только вывел войска из Афганистана, но и согласился с вмешательством ООН в дела этой страны, падение суверенных привилегий стран третьего мира завершилось. Разоренный спонсируемыми Пакистаном моджахедами и поддерживаемый только неправительственными организациями, Афганистан стал образцом той далеко не разумной и не изощренной неуправляемости (*nongovernmentality*), которая будет господствовать на большей части прежнего «третьего мира»⁴².

---

⁴¹ Ferguson J., Gupta A. Spatializing States: Towards an Ethnography of Neoliberal Governmentality // *American Ethnologist*. 2002. November. № 29(4). P. 994.

⁴² Mann G. From Empires to NGOs in the West African Sahel: The Road to Nongovernmentality. Cambridge: Cambridge University Press, 2015.

Методология

Материалы для этой книги – архивные источники, рукописи и интервью – собирались в нескольких странах. Помимо архивов бывшего СССР, теперь находящихся в России, Таджикистане и Кыргызстане, здесь использованы записи десятков полуформальных бесед с бывшими советскими советниками. В США в университете Небраски (Омаха) и в Корнелльском университете хранятся дневники, соответственно, Артура Пола и Роберта Нэйтана, двух американских консультантов, работавших в Афганистане. Из немецких материалов оказались полезны архивы Министерства по экономическому сотрудничеству ФРГ, Федеральных архивов в Кобленце и Политического архива Министерства иностранных дел, в которых содержатся материалы, подробно освещающие экономическую помощь Западной Германии Афганистану. Архив организации «Хьюмен райтс вотч», хранящийся в Колумбийском университете, и документы Хавьера Переса де Куэльяра в Йельском университете дают информацию о контактах между СССР, ООН и американскими неправительственными организациями. Полезны оказались также шведские и французские источники: архивы «Шведского комитета по Афганистану» и «Врачей без границ» позволили выйти за пределы истории англоязычных правозащитных групп и заглянуть в документы двух организаций, которые были наиболее активны в Афганистане во времена советской оккупации. Из британских материалов наиболее важны документы из Национального архива, а также документы Василия Митрохина, в которых содержатся важные статистические данные и информация о связях между советскими академическими организациями и разведкой. В интервью я скрыл имена тех информантов, которые просили их не упоминать.

Условия безопасности и политика властей по отношению к исторической памяти сильно затрудняют полевые исследования в Афганистане. Во время гражданской войны моджахеды разграбили Национальный архив и продавали документы на пешаварских базарах⁴³. Что касается местных архивов, то они либо не существовали до 1979 года, либо погибли во время гражданской войны. Сохранившиеся в Национальном архиве в Кабуле материалы весьма богаты, однако остаются неразобранными, и потому неясно, в какой мере они охватывают советский период. Важно отметить, что афганцы до сих пор лишены права голоса в вопросах своей собственной истории. Многие из ведущих политических фигур в современном Афганистане – это бывшие члены НДПА, чье прошлое далеко не всегда подвергалось критической проверке. Характерный эпизод произошел в декабре 2011 года, когда Комиссия по правам человека в Афганистане завершила независимое 800-страничное исследование о массовых убийствах. Его публикация была запрещена, поскольку могли всплыть имена некоторых действующих членов администрации Карзая⁴⁴.

Таким образом, эта книга не является социальной или политической историей Афганистана или историей советского вторжения и оккупации; это история международного развития и гуманитарной деятельности в Афганистане. Читатели не найдут здесь истории холодной войны как таковой: хотя в книге рассказывается о событиях, которые являются прямым следствием холодной войны, ее главная тема – переосмысление афганской независимости – выходит за пределы истории противостояния великих держав. Может показаться, что здесь недостаточно акцентированы некоторые важнейшие исторические моменты, и в первую очередь процесс принятия советским руководством решения о вторжении в Афганистан. Однако причина не в том, что они кажутся нам неважными. Об этих моментах написано множество пре-

---

⁴³ Brechna H. Die Geschichte Afghanistans. Historische Ereignisse, Erzählungen und Erinnerungen. Zürich: Hochschulverlag, 2012. P. 446.

⁴⁴ Nordland R. Top Afghans Tied to '90s Carnage // New York Times. 2012. July 22.

красных книг, но данная работа преследует иную цель⁴⁵. Перед вами рассказ о том, как территориальная государственная власть со всем ее опытом и знаниями соотносилась с областью мира, которая никогда не входила в состав какой-либо империи. Это рассказ о том, как идеи и амбиции относительно умозрительного национального государства «Афганистан» создавали и рушили Афганистан как реальное пространство.

Поэтому на протяжении всей книги мы стараемся не упустить из виду важный методологический вопрос, который можно назвать проблемой собеседника. Во время холодной войны даже самые информированные эксперты судили об афганской экономике и государственности, опираясь лишь на пару разговоров с местными жителями и прогулку по «правильным» кварталам Кабула, – другого личного опыта у них не было. Под «развитием» зачастую понимали не столько строительство государства или экономики, сколько придание смысла разрозненным фрагментам того и другого. Опираясь на беседы с местными жителями, специалисты могли толковать о какой-либо отдельной фабрике, канале, газопроводе, книге бухгалтерского учета или лесопилке, но едва ли – о реально существующем афганском государстве. Американцам, приезжавшим прививать оспу, давали приказ «охватить 100% населения, от новорожденных до умирающих», в то время как у Министерства здравоохранения буквально не было ни клочка бумаги⁴⁶. Советские нефтяники гордились построенными ими буровыми вышками и стальными трубопроводами, но большинство населения отапливало дома кизяком. Афганское государство в конце 1970-х годов было чистым недоразумением. Имея микроскопические размеры и микроскопический потенциал, оно тем не менее добивалось неплохих результатов: иностранцы платили по его счетам и воображали, что оно существует.

---

⁴⁵ См.: *Ляховский А.* Трагедия и доблесть Афгана. М.: ГПИ Искона, 1995; *Rubin B. R.* The Fragmentation of Afghanistan: State Formation and Collapse in the International System. New Haven: Yale University Press, 1995; *Allan P., Kläy D.* Zwischen Bürokratie und Ideologie. Entscheidungsprozesse in Moskaus Afghanistankonflikt. Bern: Paul Haupt Verlag, 1999; *Braithwaite R.* Afgantsy: The Russians in Afghanistan, 1979–89. London: Profile Books, 2011; *Kalinovsky A.* A Long Goodbye: The Soviet Withdrawal from Afghanistan. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2011.

⁴⁶ Linda Kuhn Berryhill and Deeze Stebbins Flower. Interview. Once in Afghanistan (2008).

Структура

Книга состоит из семи глав. В первой дается аналитический обзор изучения Афганистана и третьего мира в советском востоковедении и показывается, что, несмотря на постоянную государственную поддержку этой области знаний, советское руководство и специалисты оказались интеллектуально не подготовлены к перевороту, совершенному афганскими коммунистами в апреле 1978 года. Во второй, самой пространной, описывается история развития Афганистана с 1930-х и до конца 1960-х годов. В первой части этой главы излагается обычная хронологическая последовательность событий, в ходе которых страна прошла путь от обретения независимости до роли одного из источников холодной войны. Во второй части разбираются четыре конкретных примера различных ресурсов и акторов развития, которые помогают понять особенности государственного строительства в наиболее важный момент. Речь идет об американских и советских финансовых и торговых советниках в Кабуле, об американских гидрологах в южном Афганистане, о советских нефтяниках на севере страны и, наконец, о западногерманских специалистах по лесному хозяйству на востоке Афганистана. Эта вторая часть могла бы составить самостоятельную главу, однако при таком решении возникал риск того, что рассказ о проблемах, с которыми сталкивался Афганистан в период холодной войны, оказался бы оторван от тесно связанного с ними контекста межвоенных событий. В третьей главе речь пойдет о 1970-х годах, и особое внимание будет уделено региональной геополитике, переосмыслению советского социализма и идеологии европейского гуманизма. Четвертая глава посвящена советским молодежным советникам в оккупированном Афганистане; здесь показано, как советское представление о территориальности зашло в тупик, столкнувшись с проблемой колониальных разграничений. В пятой главе изучается вопрос о том, как советские активистки и их афганские коллеги трактовали «женский вопрос». Шестая глава посвящена преобразованиям, происходившим в северном Афганистане под советским влиянием и под воздействием деятельности гуманитарных организаций. Наконец, в седьмой главе мы вернемся к южным и восточным границам Афганистана, чтобы показать, как альянс моджахедов и гуманитарных НПО отнимал власть не только у кабульского правительства, но и у ООН; этот процесс сопровождался возникновением острых проблем, касавшихся как государственного строительства, так и гуманитарной помощи.

Читатели заметят, что по ходу рассказа будет меняться масштаб описываемых событий. Однако эти перемены отражают не только выбор повествовательной стратегии, но и меняющиеся интеллектуальные ставки в те или иные периоды, о которых идет речь. В первой половине книги говорится о самых что ни на есть «земных» проектах: об углеводородном сырье, извлекавшемся из недр с помощью буров и насосов, о стекавшей с гор и собиравшейся в каналы воде; о кедрах, обрабатывавшихся на лесопилках. Ориентируясь на эти «земные» ценности, народ возлагал надежды на постколониальное национальное государство. Это рассказ о времени, когда люди чаще искали свободу в национальном государстве, нежели свободу от него⁴⁷.

Однако по мере того как все яснее становилась оборотная сторона независимости, по мере того как ослабевал телеологический миф постколониального национального самоопределения, все меньше завораживали и цифры – тонны стали и киловатт-часы электроэнергии, которыми измерялась мощь государства. Характерное для 1970-х годов постутопическое отношение к этим вопросам все меньше опиралось на фантазии о приоритете материального развития. Вместо того чтобы высаживать саженцы будущего на *поверхности* планеты, надо было изменить *структуру* мироустройства, а именно глобальные представления о суверенности. И если в первой части книги много говорится о материальных аспектах развития страны, во вто-

---

⁴⁷ Suri J. Power and Protest: Global Revolution and the Rise of Détente. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2003. P. 259.

рой бульдозеры отходят на задний план, а на первый все больше выступают западные и советские организации, занятые здоровьем детей и проблемами женщин. Именно этот сдвиг от установки на территориальное национальное государство к характерной для настоящего момента посттерриториальной морали и обуславливает, как нам кажется, изменение повествования в данной книге.

Вы найдете на этих страницах историю независимого Афганистана с точки зрения иностранцев. Это рассказ о молодежных активистах; об участницах женского движения, стремившихся «спасти» афганских женщин от варварства; об агрономах, мечтавших сохранить и приумножить кедровые леса; об экономистах и статистиках, планировавших сделать государство прозрачным и ясным, как бухгалтерская книга; о специалистах вроде тех, которые летели вместе с Виктором Самойленко из Ташкента в Кабул.

Пока самолет пролетал над Амударьей, Самойленко записывал свои мысли: «Что сразу бросилось в глаза? – писал он. – Ухоженная земля с полями и перелесками, озерами и каналами, дорогами и поселками, дойдя до Амударьи, как бы наткнувшись на непреодолимую преграду, оборвалась, уступив место однообразному серому фону, на котором лишь кое-где просматривались светло-коричневые холмы с расплывчатыми очертаниями да дюны-гребешки, напоминающие легкую рябь на воде. Изредка виднелось что-то наподобие селений – плоских, серых, как и сама земля вокруг, а потому возникающих неожиданно. Проплыла жиденькая зелень у извилистого водоема, и снова не на чем остановиться, не на чем задержать взгляд»⁴⁸. Хорошо знавший страну сосед-инженер сказал Самойленко: «...мы с вами отброшены назад лет этак на сто пятьдесят». Приближалось время прибытия.

Хотя прибывшие и чувствовали себя вооруженными всем тем, что дали им экономико-социальные науки и семь десятилетий социализма, преобразование Афганистана казалось им непростым делом. Однако в течение четырех десятилетий два поколения советских граждан, равно как американцы, немцы, афганцы, пакистанцы и другие, упорно бились над этой задачей. Мне пришлось немало поехать по свету, чтобы собрать свидетельства этих людей. Я читал отчеты, которые они составляли для своих руководителей, разыскивал их самих и слушал их рассказы: так передо мной открывалась история идей, направленных на переосмысление афганской государственности.

Мечты, с которыми все они приезжали в Афганистан, на практике породили настоящий кошмар. Советская оккупация и афганская гражданская война, которые принесли с собой столько жертв и разрушений, заслонили тот исторический процесс, который создал предпосылки и для вторжения, и для войны. Советское понимание происходящего на планете исчезло вместе с Советским Союзом – столь неожиданно, что мы перестали понимать, насколько оно повлияло на содержание понятий «развитие», «независимость» и «гуманитарная помощь» в последующие десятилетия. Однако именно поэтому необходимо заново открыть прошлое, извлечь на поверхность его материальное и мнемоническое, сохранившееся в виде воспоминаний, наследие. Настоящая книга – одно из возможных начал разговора, к которому приглашаются как иностранцы, так и сами афганцы, чтобы совместными усилиями оплатить человеческие и материальные долги, оставшиеся от конфликтов в Афганистане во времена холодной войны.

---

⁴⁸ Самойленко В. Г. Указ. соч. С. 15.

Глава первая

Как написать историю Афганистана?

Исторический процесс развития, не говоря о строительстве нового социалистического общества, – это не прогулка по Невскому проспекту в Петрограде, и дорога туда не такая прямая и ровная⁴⁹.

В записях, сделанных Виктором Самойленко в летящем над Афганистаном самолете, открывавшийся внизу пейзаж описывался как «однообразный серый фон», где не на чем остановиться взгляду, и это описание всего лишь вторит множеству штампов об этой стране⁵⁰. Были люди, которым она представлялась непознаваемой, «инопланетной», библейской, средневековой; страной, «в которой остановилось время»⁵¹. Однако, как показывают записи Самойленко, который отождествлял вневременность с расстилавшимися внизу одноцветными пустошами, афганский пейзаж в действительности представлял собой «палимпсест, который утомлял невнимательного наблюдателя, но привлекал к себе любознательного»⁵². Пласты истории лежат здесь сложенными один на другом, как свитки персидских, пуштунских и тюркских рукописей, за которыми охотятся востоковеды. Писать историю Афганистана можно было самыми разнообразными способами. Более того, по мере того как модернизировавшиеся афганские правительства выращивали местную интеллигенцию, которая была готова и желала общаться с приезжавшими в страну иностранными делегациями, перспективы создания совместной востоковедческой и исторической литературы начинали казаться самими радужными. На протяжении XX века советские исследователи Афганистана не раз обращали восхищенные взгляды именно к тем землям, которые казались столь скучными Виктору Самойленко.

Упоминания о востоковедении («ориентологии») могут вызвать в памяти читателя книгу «Ориентализм» – впервые изданную в 1978 году и ставшую впоследствии весьма влиятельной монографию Эдварда Саида, который выдвинул тезис о том, что эта дисциплина представляет собой «культурный аппарат», «фундаментально политическую доктрину, навязываемую Востоку, потому что Восток слабее Запада»⁵³. Как заключает исследователь русского ориентализма, книга Саида указывает на то, что «тот научный аппарат, посредством которого Запад изучал Восток, являлся одновременно и средством его подавления»⁵⁴. Однако советское востоковедение не так легко укладывается в схему Саида. Сам ученый в своей книге практически не обращался к российским и советским исследованиям, хотя под властью СССР жили десятки миллионов мусульман. Советское востоковедение прямо противопоставляло себя западному империализму: за четверть века до Саида советские энциклопедии объясняли, что «буржуазное востоковедение с самого начала своего возникновения противопоставляет культуру так называемого „Запада“... – культуре „Востока“», и это отражает «колонизаторско-расистское

---

⁴⁹ Соловьев Д. Ф. Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине члена КПСС с 1919 года Соловьева Дмитрия Федоровича. Записаны 3.09.1968 г. в Киеве. Центральный государственный архив общественно-политической документации Кыргызской Республики. Ф. 391. Оп. 424. Л. 66.

⁵⁰ Самойленко В. Г. Как открываешь страну: Афганистан глазами очевидца / Лит. запись И. А. Бекиша. Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 1986. С. 11.

⁵¹ Басов В., Поляков Г. Афганистан: Трудные судьбы революции. М.: Знание, 1988. С. 3.

⁵² Grafton A. Hello to Berlin // New York Review of Books. August 14, 1997, см. онлайн: www.nybooks.com/articles/archives/1997/aug/14/hello-to-berlin/.

⁵³ Said E. Orientalism. New York: Vintage Books, 1978. P. 204. Цит. по: Саид Э. Ориентализм. Западные концепции Востока. М.: Русский мир, 2006. С. 316–317.

⁵⁴ Schimmelpennick van der Oye D. Russian Orientalism: Asia in the Russian Mind from Peter the Great to the Emigration. New Haven: Yale University Press, 2010. P. 6.

мировоззрение европейской и американской буржуазии»⁵⁵. Такие факты не принижают проделанную Саидом работу по деконструкции британского и французского отношения к арабскому миру, но в то же время говорят о том, что надо рассматривать советское востоковедение с учетом его собственной специфики и не причислять к «ориенталистам» ученых, которые использовали востоковедение как оружие, направленное против колониального господства над неевропейцами, а не как средство поддержки этого господства.

Действительно, главное отличие советских ученых от карикатурно обрисованных Саидом «ориенталистов» состояло в том, что первые были рупором революционного государства. Когда советские востоковеды утверждали, что их методологию составляла «марксистско-ленинская теория государства», это была не просто научная установка. СССР был марксистско-ленинским государством, провозгласившим, что ему известны «научные» законы исторического развития и что оно не просто владеет ими, но и воплощает их в жизнь. Однако положения марксизма-ленинизма нуждались в уточнении по отношению к частям бывшей Оттоманской империи (Афганистан был ее протекторатом), а также и к получившим независимость бывшим европейским колониям. Когда большевики мечтали о коммунистической революции, они представляли ее происходящей в «земле длинных фабричных труб» – в прошедшей через индустриализацию Европе⁵⁶. Однако революции пришлось выбрать другую дорогу, которая проходила через степи Центральной Азии, рисовые поля Китая и долины Ганга в Индии. Чем старательнее пытались марксисты применить свои догмы к изучению внесоветской действительности, тем более сомнительными выглядели претензии СССР на владение универсальным методом, исходя из которого можно давать указания другим странам,двигающимся от феодализма к социализму. Понимание, а не направляющие указания, раздаваемые странам третьего мира, оказалось задачей более сложной, чем прогулка по тротуару Невского проспекта.

Отношения СССР и Афганистана занимают существенное место в данной истории. Еще до вторжения Советам было важно понимать, что происходит в этой стране. Во-первых, Афганистан граничил с Советским Союзом. После того как 19 августа 1919 года была провозглашена независимость страны от Британской империи, СССР первым признал Кабул, превратив Афганистан из ирредентума в актора международной антиколониальной системы. Во-вторых, многие жители Афганистана были, в определенном смысле, чрезвычайно близки к тем населявшим СССР тюрко- и ираноязычным народностям, которые потом были отнесены советскими этнографами к узбекам и таджикам. Эти люди находили в Афганистане убежище во время сталинских репрессий. Поэтому, когда советские ученые занялись Афганистаном, они столкнулись со множеством вопросов о том, как писать его историю и как представлять себе его будущее. Что значил тот факт, что антиколониальный Афганистан оставался монархией? Могут ли вспыхнуть революции в странах, где отсутствует рабочий класс? Какая нация или этнос может взять власть в «племенном» обществе? И наконец, важнейший вопрос: как в этих условиях могут возникать местные коммунистические партии?

Настоящая вступительная глава представляет собой интеллектуальную историю советских исследований Афганистана и, шире, взаимодействия Советского Союза со странами третьего мира, показывающую, какие ответы давал СССР на эти вопросы. Москва изучала Афганистан более эффективно, чем США или любой ее европейский конкурент, и все же многочисленные (и только казавшиеся простыми) проблемы крайне затрудняли понимание революции, совершенной левыми силами в 1978 году. В советском вузовском преподавании наблюдался уклон в сторону таджикской и персидской культур, что усиливало представление о пуштунском варварстве и перекликалось с идеей «Пуштунистана», которой активно торговали

---

⁵⁵ Востоковедение // Большая советская энциклопедия. 2-е изд. М.: БСЭ, 1951. Т. 9. С. 193.

⁵⁶ Ashton Th. Op. cit. Цит. по: Beckert S. Empire of Cotton: A Global History. New York: Knopf, 2014. P. 80.

персоязычные кабульские правители. В 1920-е годы Афганистану не удалось начать революцию в Азии, но не был ли апрельский переворот 1978 года вторым шансом на это?

Урок истории на будущее

Советские представления об историческом развитии восходят к положениям раннего марксизма-ленинизма, которые сводились к следующей модели: общества проходят через пять отличных друг от друга «общественно-экономических формаций». Первобытные общества превращаются в рабовладельческие, те – в феодальные, те – в капиталистические и, наконец, после переходной социалистической фазы, в коммунистические. Пока большевики принимали в расчет только Европу, ход истории казался им ясен. Всего лишь через год после Октябрьской революции сходные события произошли в Германии: в Мюнхене провозгласили рабочую республику, в Берлине восстали спартаковцы. В Венгрии, несмотря на противодействие правых головорезов, пытавшихся подавить революцию, в 1919 году была провозглашена социалистическая республика. Во время похода Красной армии в Польшу всеобщая европейская революция все еще казалась возможной. Но затем советское наступление захлебнулось, в Венгерскую республику вторглась Румыния, а в Берлине консолидировалось хрупкое республиканское правительство. Европейская революция оказалась мертворожденной идеей.

Москве нужны были новые возможности. Пламенные революционеры, такие как Троцкий, были убеждены в том, что «дорога на Индию может оказаться для нас в данный момент более проходимой и более короткой, чем дорога в Советскую Венгрию» и что «путь на Париж и Лондон лежит через города Афганистана, Пенджаба и Бенгалии»⁵⁷. В тот момент, когда южный сосед Советского Союза, Афганистан, добился независимости от Британской империи, Красная армия взяла Баку, а революция в Европе зашла в тупик, этот тезис Троцкого казался весьма правдоподобным.

Оставалась, правда, теоретическая проблема. «Научный» марксизм умел объяснять историческое развитие только высокоразвитых европейских стран. Маркс подчеркивал, что азиатские общества не следуют по пятиэтапному пути. У них, по его словам, господствовал «азиатский способ производства», поскольку земля в азиатском крестьянском обществе принадлежала скорее государству или крестьянской общине, чем землевладельцам⁵⁸. Этот азиатский способ производства не вел к капитализму английского или немецкого типа, и его следствием было малое число пролетариев. Разумеется, эти противоречия имели место и в бывших российских колониях Туркестана, и в таких зависимых от СССР странах, как Монголия. Однако существенная разница между ними, с одной стороны, и Ираном или Китаем – с другой, заключалась в том, что в последних советские идеи отнюдь не господствовали. Составные части СССР – Узбекистан или республики Закавказья – могли стать своего рода испытательными полигонами, однако происходившее в них сразу становилось немыслимо по ту сторону южной границы Советского Союза⁵⁹. Тем не менее СССР увязывал свою легитимность с авангардной ролью, которую он играл в международном революционном движении, и считал себя обязанным поддерживать прогрессивные силы за рубежом, даже если эти силы оказывались монархическими, как в случае с афганскими правителями.

Поэтому вскоре после того, как в 1919 году Афганистан провозгласил независимость, туда направилась разношерстная команда советских дипломатов, интеллектуалов и шпионов.

---

⁵⁷ Троцкий Л. Письмо от 5 августа 1919 года. РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. П. 47. Л. 1–2. Цит. по: Протокол объединенного заседания Политбюро и Оргбюро ЦК РКП(б) от 2 августа 1919 г. // Политбюро ЦК РКП(б) и Коминтерн. 1919–1943. Документы. М., 2004. С. 30.

⁵⁸ Hough J. The Struggle for the Third World: Soviet Debates and American Options. Washington, DC: Brookings Institution Press, 1986. С. 40.

⁵⁹ Martin T. The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Ithaca: Cornell University Press, 2001; Hirsch F. Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union. Ithaca: Cornell University Press, 2005.

Они двигались из закаспийской крепости Кушка и через Герат, Кандагар и Газни попадали в Кабул, где им предстояло сделать так, чтобы Афганистан стал ориентироваться на Москву. Все полномочные представители РСФСР и позднее СССР в межвоенном Кабуле тесно сотрудничали с Коминтерном, стремясь спровоцировать восстание на пуштунской границе Британской империи⁶⁰. Но интриги и дипломатия также требовали интеллектуальных способностей. Молодые ученые-дипломаты, такие как И. М. Рейснер, работали переводчиками и советниками в консульстве РСФСР; после службы они вернулись в Москву, чтобы придать *советский характер* богатой традиции дореволюционной науки об Афганистане⁶¹.

Все полное надежд десятилетие, последовавшее за обретением Афганистаном независимости, советские ученые заново открывали, переосмыслили и по-новому представляли соседнюю южную страну, суверенитет которой был признан СССР. Такие ученые, как А. А. Семенов, занялись переводами описаний северного Афганистана и познакомили исследователей с афганскими придворными историками, такими как Фаиз Мухаммед Катиб⁶². Другие востоковеды – Е. Ф. Лундшувейт и В. Н. Дурденевский – перевели на русский язык афганскую конституцию 1923 года⁶³. В годы, когда британцы убивали невинных людей в Пенджабе, а Реза-шах подавлял оппозицию в Персии, Афганистан казался лучом антиимпериалистической надежды.

Российские интеллектуалы в Кабуле запечатлели царившую в то время в стране наэлектризованную атмосферу, невольно указывая при этом на ту проблему, которая будет волновать и многих последующих визитеров: отсутствие собеседников. Так, Лариса Рейснер, сестра востоковеда Игоря Рейснера и жена видного советского дипломата, посетила однажды «машин-хане» – кабульский Государственный арсенал, построенный в 1890-е годы британскими инженерами для Абдур-Рахман-хана⁶⁴. Этот «Дом машины» был создан в качестве «ресурсного центра и географической точки, из которой исходило поддерживаемое субсидиями насилие, которое Абдур-Рахман распространял из Кабула на силой прикрепленные к Афганистану народы и территории»⁶⁵. Рейснер, однако, увидела в этой бывшей периферийной ветви претендовавшего на всемирное господство британского капитализма нечто иное – надежду на возникновение рабочего движения. «Машин-хане», с ее точки зрения, представлял собой единственное живое место в депрессивном, застывшем в безвременье пыльном восточном ландшафте. Только здесь прессы, молоты и рычаги накачивали бицепсы привычных к крестьянскому труду рабочих рук, а животы тружеников, вынужденных трудиться по 12 часов в день, оставались подтянутыми, в то время как те, кто над ними надзирал, наращивали жир. Будучи свидетельницей взрывоопасных противоречий промышленного капитализма, Рейснер считала, что эксплуатируемые рабочие живут «в одиноком, почти мистическом предчувствии революции»⁶⁶. Секретарь советского Генерального консульства в Кабуле Л. В. Никулин, вернувшись на родину, тоже с оптимизмом оценивал перспективы афганской революции: «Недаром лорд Керзон утверждает, – насмешливо замечал он в 1923 году, – что каждая семья в

⁶⁰ Тихонов Ю. Афганская война Сталина: битва за Центральную Азию. М.: Эксмо, 2008. С. 48.

⁶¹ Подробнее о предьстории советского афгановедения см.: Ахрамович Р. Т. Taqīqāt dar bārehy tārīkh-i Afghānistān dar Atahād-i Shuruvi // Ахрамович Р. Т. (ред.) Afghānshānāsi-yi shuruvi dar 'arseh-yi chehel sāl. М., 1959. С. 9–14.

⁶² Бурхан-уд-Дин-хан-и-Кушкеки. Каттаган и Бадахшан: данные по географии страны, естественно-историческим условиям, населению, экономике и путям сообщения: С. 34 картами / Пер. с перс. П. П. Введенского, Б. И. Долгополова, Е. В. Левкиевского, под ред. А. А. Семенова. Ташкент: Общество для изучения Таджикистана и иранских народностей за его пределами, 1926; исследование Семенова о Катибе было опубликовано в кн.: Сообщения Туркестанского отдела Русского географического общества. Т. 16. Ташкент, 1923. С. 121–174.

⁶³ Дурденевский В. Н., Лундшувейт Е. Ф. Конституции Востока. Египет. – Турция. – Персия. – Афганистан. – Индия. – Китай. – Монголия. – Япония. Л.: Государственное издательство, 1926. С. 27–80.

⁶⁴ Hanifi Sh. M. Mapping Afghanistan: Colonial, National, and Post-Colonial Cartographies. P. 3; Hanifi Sh. M. Connecting Histories in Afghanistan: Market Relations and State Formation on a Colonial Frontier. Stanford: Stanford University Press, 2011. Ch. 4.

⁶⁵ Hanifi Sh. M. Mapping Afghanistan. P. 3.

⁶⁶ Рейснер Л. Афганистан. М.: Государственное издательство, 1925. С. 35.

Англии отдаст своего последнего сына в том случае, если британской власти в Индии будет угрожать какая бы то ни было опасность. Каждая ли семья?»⁶⁷

И все же вскоре произошли события, изменившие курс революции. В 1929 году был свергнут режим Амануллы-хана, и это заставило советских ученых и дипломатов задуматься о том, что же пошло не так. Некоторые считали переворот результатом пуштунской эксплуатации непуштунского севера и британских интриг среди консервативных, реакционных пуштунских племен⁶⁸. Другие опасались, что революционный оптимизм сделал ученых невосприимчивыми к объективным условиям, существующим в стране. «В ходе изучения документов, связанных с распадом правительства младоафганцев, – писал Р. Т. Ахрамович несколько лет спустя, – мнения советских специалистов по Афганистану по некоторым вопросам разошлись. Некоторые ученые преувеличивали развитие классовых движений в Афганистане; другие не учитывали уровень социально-экономического прогресса в этой стране, находившейся еще на первых стадиях развития капитализма. Более того, реакционная роль национальной буржуазии, находившейся в процессе формирования и стремившейся сохранить территориальную целостность страны, не была в достаточной мере учтена»⁶⁹. Новое поколение ученых усвоит эти уроки. Дореволюционные исследователи, такие как И. Л. Яворский и В. В. Бартольд, скончались, и межвоенный период стал временем формирования первого поколения советских специалистов: Рейснер преподавал в МИДе с 1935 года, а М. Г. Асланов, изучавший пушту во время службы в консульстве в 1930–1938 годах, позже преподавал этот язык в МИВ – Московском институте востоковедения⁷⁰. Ученики Асланова – и в их числе К. А. Лебедев – продолжили эту традицию: Лебедев преподавал пушту в МИВ до 1985 года. Благодаря таким людям были заложены основы советско-афганских культурных взаимодействий, в рамках которых могли успешно работать лингвисты и историки. Более того, советская трансформация Центральной Азии стала примером для остальной части региона. Даже после распада Афганистана в 1929 году советский ученый мог мимоходом упомянуть, что «Афганистан <находится> на путях из Индии в Советскую Среднюю Азию»⁷¹.

По мере того как изучение Афганистана становилось профессиональным, укреплялись и некоторые установки, которые впоследствии стали вызывать сомнения. Изгнание Амануллы, казалось, должно было преподавать определенные уроки: надо искать союза с левыми пуштунами и угнетенными северянами и остерегаться англо-индийских заговоров на востоке и юге. Однако эти установки сочетались с идеологией «пуштунофобии», которую внушала иностранцам новая мусахибанская элита Кабула⁷². Понятие «мусахибан» – по-персидски «компаньоны» или «супруги» – не было родовым, а обозначало скорее советников при дворе Амануллы-хана⁷³. Надир-шах и министры, правившие как регенты от лица его сына, называли себя в разговорах с иностранцами «пуштунами», основываясь на «численном большинстве и историческом авторитете пуштунских племен» в Афганистане. Однако *одновременно* они выдвигали параллельную версию событий 1929 года, в которой пуштуны, в особенности восточные, выступали как «постоянные разрушители и противники государства»⁷⁴. Уверенность советских ученых относительно «онтологических национальностей» и «объективного» существования

⁶⁷ Никулин Л. В. Четырнадцать месяцев в Афганистане. М.: Красная новь, 1923. С. 57.

⁶⁸ Тезисы восточного секретариата ИККИ «К положению в Афганистане». 12 декабря 1931 г. РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 154. Д. 417-а.

⁶⁹ Ахрамович Р. Т. Taqīqt dar bāreh-yi tārikh-i Āfghānistān dar Etahād-i Shuruvi. P. 19.

⁷⁰ МГИМО. «Школа преподавания языка пушту», см. онлайн: <https://mgimo.ru/languages/teaching/shkola-pushtu.php>.

⁷¹ Алексеенков П. Аграрный вопрос в афганском Туркестане. М.: Международный аграрный институт, 1933. С. 5.

⁷² Hanifi M. J. Vending Distorted Afghanistan Through Patriotic «Anthropology» (Review of Thomas Barfield, *Afghanistan*) // Critique of Anthropology. № 31(3). P. 264.

⁷³ Благодаря Хашмаг Хоссейни за прояснение этого вопроса.

⁷⁴ Hanifi M. J. Op. cit. P. 264.

наций препятствовала критическому отношению к этим утверждениям. Вместо того чтобы деконструировать «Афганистан» как понятие, советские ученые свели афганцев и пуштунов, афганское государство и «афганский народ» к общим категориям. Это существенно затрудняло написание истории Афганистана, не говоря уже о предвидении его будущего.

Ситуация усложнялась еще и теми ограничениями, которые возникли в советской исторической науке вследствие сталинских коллективизации и индустриализации. Если раньше ученые дифференцированно подходили к вопросу об эпохах развития в истории промышленных стран и Азии, то теперь они подчеркивали первенство Советского Союза как ведущего социалистического государства во всем мире, утверждая, что путь, им пройденный, годится и для азиатских стран. В 1931 году египтолог В. В. Струве предложил приложить пятичленную модель к Азии. В статье 1938 года сам Сталин указывал, что Азия уже миновала стадию феодализма⁷⁵. Таким образом, не стоило ждать, когда афганское или китайское общества пройдут этап, который они в действительности давно оставили позади. За исключением академических дебатов о временных границах феодализма в прошлом, универсальная пятичленная модель стала общепринятой⁷⁶. Тем не менее, оставалось неясным, каким образом монархии, в которых отсутствовал рабочий класс, должны были превратиться в рабочие республики.

Обстоятельства войны сделали этот вопрос на какое-то время чисто академическим, однако неожиданный крах колониальных империй заставил Москву к нему вернуться. Стало ясно, что на территориях, не завоеванных Красной армией, влияние СССР всецело зависело от его отношений с национальными элитами, привлечь которые на свою сторону было непросто. Советскому Союзу пришлось учиться действовать в рамках послевоенного международного порядка, не будучи в полной мере его частью. Не отказываясь от идеалов революции, но сохраняя и статус-кво, советское государство присоединилось к ООН и стало членом таких специализированных организаций, как ЮНИСЕФ, Программа развития (ПРООН), Продовольственная и сельскохозяйственная организация (ФАО). Более того, к середине 1950-х годов Москва подписала соглашения об оказании помощи на суммы по 100 миллионов долларов с Афганистаном, Эфиопией, Индонезией, Аргентиной и Кубой, а также договоры о дружбе с маоистским Китаем и КНДР Ким Ир Сена⁷⁷.

Новые страны и новая политика требовали новых знаний. В 1950 году Институт востоковедения Академии наук (ИВ АН СССР) был перенесен из Ленинграда в Москву⁷⁸. В 1954 году Московский государственный институт международных отношений (МГИМО), готовивший специалистов для Министерства иностранных дел, поглотил прежний МИВ. В 1956 году в столице был также создан академический Институт мировых экономических и международных отношений (ИМЭМО), реинкарнация более раннего Института международной политики. А в 1958 году Институт внешней торговли был переведен из Ленинграда в МГИМО.

Но одно дело – установка новых табличек на зданиях, а другое – развитие новых академических традиций. Старым специалистам приходилось переквалифицироваться. Например, в 1961 году, когда один из исследователей устроился в сектор Африки Международного отдела ЦК КПСС, его начальником оказался человек, изучавший Грецию и Албанию, не знавший африканских языков, а тем более английского, французского и португальского⁷⁹. МГИМО не предлагал специализации по Африке до 1960 года; один бывший студент, закончивший институт в 1956 году, вспоминал, что, когда он получил первое из своих назначений в Аддис-Абебу,

---

⁷⁵ Сталин И. В. О диалектическом и историческом материализме // Правда. 1938. 12 сентября.

⁷⁶ Джерри Хью замечает, что «почти в каждом номере ведущего исторического журнала „Вопросы истории“ с ноября 1949 по февраль 1951 года содержалась по крайней мере одна статья на эту тему» (*Hough J. The Struggle for the Third World: Soviet Debates and American Options. Washington: Brookings Institution, 1986. P. 44.*)

⁷⁷ Dupree L. Afghanistan. Princeton: Princeton University Press, 1973. P. 517.

⁷⁸ Интервью автора с Анной Матвеевой. Лондон, 18 апреля 2012 г.

⁷⁹ Брутенц К. Н. Тридцать лет на Старой площади. М.: Международные отношения, 1998. С. 197–198.

столицу бывшей итальянской колонии, у него за плечами был только курс истории Британской империи⁸⁰.

Советские исследования по Афганистану стали оазисом в этой институциональной пустыне. И. М. Рейснер, автор книг по истории Афганистана и Индии, занял пост заведующего вновь образованного Индийского отдела ИВ АН СССР в 1957 году. Те, кто учился в межвоенный период, уже достигли зрелости. Среди них был и Н. А. Дворянков, специалист по пуштунскому языку и литературе, которому было суждено в ближайшие годы сыграть решающую роль в советско-афганских отношениях. Дворянков родился в рабочей семье в Москве в 1923 году и начал изучать пушту в московском Военном институте переводчиков в 1940 году⁸¹. Во время войны институт был переведен в Ташкент, где Дворянков продолжил учебу. После войны он преподавал пушту в МИВ вместе с Лебедевым. При этом Дворянков был не просто исследователем языка. Он переводил на пушту Пушкина и Маяковского, написал учебники по Афганистану и пуштунскому языку, а вскоре, в 1957 году, стал научным сотрудником ИВ АН СССР⁸². Спустя всего четыре года, в 1961 году, он был назначен руководителем сектора индийских, иранских и семитских языков; эту должность он занимал несколько десятилетий⁸³.

Харизматичный человек, блестящий и одаренный лингвист, Дворянков произвел сильное впечатление на кабульцев: он читал лекции в местном университете, устраивал поэтические чтения, брал интервью на пушту, в случае необходимости переходя на диалект собеседника⁸⁴. Советско-афганские культурные связи, некогда утраченные, теперь восстанавливались. В 1960-х годах во время одной из поездок Дворянков подружился с неким Нур Мохаммадом Тараки, тогда начинающим писателем, сочинявшим «„слезливые“ повести и рассказы о нелегкой жизни афганских бедняков»⁸⁵. Они вместе ездили по стране, чтобы удостовериться в том, что только радикальная революция может трансформировать афганское «феодалное» общество. Профессор и его ученик, объединенные любовью к пуштунскому языку и верой в силу литературы как свидетельства о социальных проблемах, вскоре сыграют решающую роль в советской и афганской истории⁸⁶. Положение Дворянкова в советской системе укреплялось год от года по мере того, как его ученики поднимались по ступеням служебной лестницы в государственных и партийных учреждениях. Благодаря дружбе с Дворянковым Тараки стал известен в Москве, куда он приезжал по программам обмена Союза советских писателей и Общества советско-афганской дружбы⁸⁷.

Полный энтузиазма Дворянков не сумел разглядеть некоторые назревающие проблемы. Сотрудники «сектора Афганистана» в ИВ АН СССР А. Д. Давыдов и Н. М. Гуревич (оба ученики Рейснера) изменили основанный на «пятичленке» подход своего наставника к экономической истории страны. С помощью данных, полученных в результате кропотливого исследования торговых архивов царских времен в Ташкенте, Гуревич показал, что Афганистан *постоянно* пребывал на феодальной стадии развития. Давыдов, исследуя афганскую «базар-

⁸⁰ *Синицын С.* Миссия в Эфиопии: Эфиопия, Африканский Рог и политика СССР глазами советского дипломата в 1956–1982 гг. М.: Издательский дом XXI век – Согласие, 2001. С. 10.

⁸¹ Переписка автора с Виктором Коргуном. 28 ноября 2013 г.; *Пластун В., Андрианов В.* Наджибулла: Афганистан в тисках геополитики. М.: Русский биографический институт; Агентство «Сократ», 1998. С. 28.

⁸² *Снегирев В. Н., Самушин В. И.* Вирус «А»: Как мы заболели вторжением в Афганистан: политическое расследование. М.: Российская газета, 2011. С. 211 (с. 267 английского перевода); *Дворянков Н. А.* Язык пушту. М.: Издательство восточной литературы, 1960; Памяти Николая Александровича Дворянкова // *Народы Азии и Африки.* 1980. № 6. С. 241–242.

⁸³ *Roshchin M. Evgenii M. Primakov: Arabist and KGB Middleman, Director and Statesman // Conermann S., Kemper M. (Eds.) The Heritage of Soviet Oriental Studies. Routledge: Abdingon, 2011. P. 107.*

⁸⁴ *Пластун В., Андрианов В.* Указ. соч. С. 28.

⁸⁵ *Снегирев В. Н., Самушин В. И.* Указ. соч. С. 211.

⁸⁶ Переписка автора с Владимиром Пластуном, 28 ноября 2013 г.

⁸⁷ *Снегирев В. Н., Самушин В. И.* Указ. соч. С. 211.

ную» экономику, утверждал, что страна движется к капитализму⁸⁸. Оба вывода влекли за собой политические последствия. Если Афганистан находился только на грани перехода от феодализма к капитализму, то радикальное перераспределение собственности вызвало бы хаос. А если он был «вечно феодальным» государством, то благоприятные революционные условия могли настать еще только через столетия.

Помимо этих разногласий по поводу экономической истории Афганистана, между различными востоковедами разверзлась языковая и интеллектуальная пропасть. Асланов, Лебедев и другие ученые создали условия для изучения пуштунского языка в МИВ/МГИМО, но там готовили не исследователей, а дипломатов. Рейснер изучал в основном персидскую цивилизацию, границы которой определялись распространением персидского языка, ислама и высокой культуры. Зависимость от первоначально выбранного пути привела к вытеснению нефилологических исследований культуры пуштунов, белуджей и пенджабцев. Рейснер и Асланов обучались во время работы в советском консульстве в Кабуле, но в Британской Индии подобных представительств не было, и британцы не пускали в Радж даже *американских* социологов⁸⁹.

Кроме того, «учреждение» советского Таджикистана способствовало еще большему пренебрежению к языку и культуре пуштунов. Когда этнографы в 1924 году выделили из Узбекской ССР Таджикскую АССР, а затем в 1929 году последняя получила статус полноценной союзной республики, такие ученые, как Семенов, посвятили себя изобретению *таджикских* традиций для этого нового государственного образования. Когда же к власти пришли таджикские интеллектуалы, такие как Б. Г. Гафуров, директор ИВ АН СССР с 1956 по 1977 год, началось серьезное изучение этой республики. Старые таджикские ученые, прошедшие обучение в Институте востоковедения, такие как М. С. Асимов (президент АН Таджикской ССР), объединились с российскими коллегами для создания Республиканского института востоковедения в Душанбе – исследовательского центра, куда таджикские исследователи могли бы возвращаться после обучения в Москве⁹⁰. Режим правления персидской мусахибанской элиты покровительствовал пуштунской филологии и истории, однако советскому востоковедению не хватало настоящего центра изучения пуштунов.

Такое постоянное сосредоточение на персидском, а не на пуштунском мире может показаться вполне объяснимым, однако оно создало слепые зоны по отношению к политике самоопределения пуштунов. После 1947 года, когда раздел Индийского субконтинента превратил миллионы «патанов» в пакистанцев, Кабул начал выступать за создание «Пуштунистана», который замышлялся как национальное государство пуштунов, выходящее за границу линии Дюранда в сторону Пакистана. При внимательном изучении становится ясно, что позиция Кабула была рассчитана скорее на иностранцев и не включала серьезных внешнеполитических намерений. Подавляющее большинство работ о «Пуштунистане» (кстати, само это слово – персидский топоним) написаны не на пушту, а на персидском, и большинство людей, которые должны были жить на предполагаемых территориях этого государственного образования, понятия не имели, что находятся в «Пуштунистане».

Проблема, однако, заключалась не столько в лицемерии Кабула, сколько в том, что поведение афганских властей по отношению к политике идентичности пуштунов могло запутать иностранцев, желающих понять, что происходит в регионе. Несмотря на преждевременную деколонизацию Афганистана и его запутанную этническую структуру, мусахибанская

---

⁸⁸ Интервью автора с Виктором Коргуном. Москва, 15 октября 2012 г. О Рейснере см.: Развитие феодализма и образование государства у афганцев. М.: Изд-во АН СССР, 1953. Критический обзор работ Рейснера см. рецензию А. З. Арабаджана в журнале «Советское востоковедение» (1956. № 6. С. 146).

⁸⁹ Immerwahr D. Thinking Small: The United States and the Lure of Community Development. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2015. P. 53.

⁹⁰ Мамадишоев Р. Вклад Ю. В. Ганковского в развитие востоковедения в Таджикистане. Доклад. 6 апреля 2011 г. Институт востоковедения РАН.

элита, особенно после 1947 года, позиционировала себя как лидеров афганского государства, в котором доминируют пуштуны, и требовала самостоятельности... для другого пуштунского национального государства. Афганистан сам по себе был продуктом краткого межвоенного периода деколонизации, и его лидеры пользовались ярлыком пуштунской государственности, чтобы легитимировать себя перед иностранной и местной аудиторией. Однако они делали это, принимая одновременно послевоенную концепцию деколонизации, в которой идея свободы заключалась не в религиозном, а в национальном самоопределении, то есть в национальном государстве. Не имея филологического и страноведческого основания для того, чтобы дискредитировать притязания афганского государства на пуштунскую аутентичность на их собственных условиях, иностранные ученые должны были либо согласиться с притязаниями Кабула, либо провозгласить (как и поступили некоторые из них), что Пакистан фактически обеспечил альтернативную, если не лучшую возможность для национальных устремлений, чем межвоенная «постколониальная» (Афганистан) или родственное ей послевоенное образование («Пуштунистан»).

В Москве были ученые, способные разобраться в этой путанице, но серьезным исследованиям Афганистана мешала слабая институционализация. Давыдов и другие исследователи, хорошо владевшие пушту, придерживались терминологии «афганское крестьянство», избегая упоминания национальностей⁹¹. Лебедев преподавал пушту в МГИМО, но в ИВ АН СССР имелись только курсы персидского и индийских языков. Для таджикских националистов, таких как Гафуров, углубленное изучение пуштунской цивилизации поставило бы под сомнение легитимность персидского языка и персидского государства как примет модерности⁹². Те, кто занимался преподаванием пушту в МГИМО, в том числе молодой дипломат В. В. Басов, оставались институциональными маргиналами. А когда в начале 1980-х годов в Институте востоковедения наконец-то начали изучать пушту, направления изучения языка стали зависеть от гендерного аспекта. Студенты с хорошими связями (в подавляющем большинстве мужского пола), желавшие работать в роскошных (по сравнению с Москвой) местах – Багдаде или Дамаске, – занимались арабским. Студенты (по преимуществу студентки) не столь элитного уровня были вынуждены довольствоваться корейским (билет в один конец в Пхеньян) или пушту⁹³.

И все же само присутствие большего количества женщин говорит о том, что академические реформы создали нечто новое в рамках социализма. Советская академия изменила жизнь таких людей, как В. А. Ромадин, бывший торговый моряк из Бишкека, защитивший в 1952 году кандидатскую диссертацию о племенах юсуфзай, а позднее вместе с археологом В. М. Массоном написавший первую общую марксистскую историю Афганистана⁹⁴. М. Р. Арунова, игравшая одну из важнейших ролей в исследованиях этого региона, посвятила свою докторскую диссертацию изучению раннего афшаридского государства; в том же направлении развивалась деятельность ее коллеги Ю. В. Ганковского, о котором будет подробно рассказано в дальнейшем⁹⁵. Крупные администраторы, такие как Гафуров, способствовали карьерному продвижению советских таджиков, таких как С. М. Мерганов, изучавший пушту в Душанбе, а затем в 1968–1969 годах служивший переводчиком в советском консульстве в Кабуле, где он

---

⁹¹ Давыдов А. Д. Развитие капиталистических отношений в земледелии Афганистана. М.: Издательство восточной литературы, 1962; Давыдов А. Д. О сельской общине и ее хозяйственном значении в Афганистане (районы с преимущественно таджикским населением) – вопросы экономики Афганистана. М., 1963; Аграрный строй Афганистана: основные этапы развития. М.: Наука, 1967; Афганская деревня. Сельская община и расслоение крестьянства. М.: Наука, 1969.

⁹² Caron J. M. Cultural Histories of Pashtun Nationalism. Public Participation and Social Inequality in Monarchic Afghanistan, 1905–1960. PhD Dissertation: University of Pennsylvania, 2009. P. 20.

⁹³ Интервью автора с Анной Матвеевой. Лондон, Великобритания, 18 апреля 2020 г.

⁹⁴ Массон В. М., Ромадин В. А. История Афганистана. М.: Наука, 1965.

⁹⁵ Арунова М. Государство Надир-Шаха Афшара: очерки общественных отношений в Иране 30-х – 40-х годов XVIII века. М.: Изд-во восточной литературы, 1958. Книга впоследствии была переведена на персидский и опубликована в Иране накануне Исламской революции под названием «Nādir Shāh» (Tehran: Shabgir, 1977).

познакомился с Дворянковым. После дипломатической службы он продолжил работу в ИВ АН СССР, где закончил диссертацию и вместе с Дворянковым вел переговоры с левыми активистами в Кабуле⁹⁶. Медленно, с остановками и заминками, советская академия создавала культурную среду для взаимодействия русских, таджиков и пуштунов, Москвы и Кабула, Пушкина и Тараки, после краха эксперимента Амануллы и в предвидении революционного будущего.

Однако мираж «Пуштунистана» продолжал создавать напряженность. Для ученых старшего поколения, таких как Рейснер или Р. А. Ульяновский, возглавлявший сектор развивающихся стран Международного отдела ЦК КПСС, разногласия между Карачи и Кабулом поднимали вопрос: должен ли Советский Союз поддерживать самоопределение постколониальных государств и народов? Если главным критерием была деколонизация, то и Пакистан можно было рассматривать как прогрессивную силу в борьбе против британского империализма. Но если более высокой целью оказывалось постколониальное национальное государство, то навязывание урду пакистанским пуштунам или белуджам представлялось несправедливым. Ульяновский, однако, не был полностью убежден такой логикой. Москва предоставляла помощь Индии и Афганистану, но никогда не отворачивалась и от Пакистана, – в 1961 году был подписан первый советско-пакистанский договор о взаимопомощи. На практике, однако, такая позиция означала, что «в советских ВУЗах, включая ВУЗы спецслужб, до 1978 года количество изучающих малоиспользуемый язык урду, который не принадлежит ни одному из основных народов Пакистана, превышало количество изучавших язык пушту, на котором говорили десятки миллионов пуштунов региона»⁹⁷.

Это заявление бывшего советского советника в Афганистане В. Б. Кравцова кажется явным преувеличением, поскольку затушевывает сложности постколониальной диглоссии. Но Кравцов точно передал ту революционную точку зрения, которой придерживался Кабул и которая была принята многими действовавшими из лучших побуждений учеными, принадлежавшими к не имеющим своих государств народам. Если серьезно относиться к послевоенному национальному самоопределению, применяя этот критерий последовательно и считая национальное государство третьего мира прежде всего инструментом антиколониализма, то Турция с ее курдским населением или Пакистан с его пуштунами, как и любые другие государства, где во множестве проживают лица без собственного национального гражданства, должны быть раздроблены на части. Для самопровозглашенного революционного государства не поддерживать подобные стремления, не относиться к языкам и культурам своих народов как к равным по значению турецкому или урду было бы не чем иным, как лицемерием.

В сообществе страноведов точка зрения, которую высказывал Кравцов, воспринималась как заговорщический уклон. В 1958 году, в возрасте шестидесяти лет, после исследовательской поездки в Таджикистан скончался Рейснер, и его должность занял его почти сорокалетний ученик Ю. В. Ганковский⁹⁸. Научная репутация Ганковского укрепилась после публикации монографии по истории Дурранийской империи, что стало основой его карьеры, в которой академические успехи совмещались с консультациями для КГБ⁹⁹. При этом Ганковский стал также и председателем финансируемой Пакистаном советской Ассоциации друзей Пакистана. Извне казалось, что это общество занималось безобидным культурным обменом. В сотрудничестве с пакистанским коллегой поэтом Фаиз Ахмад Фаизом Ганковский работал над улучше-

---

⁹⁶ Переписка автора с Виктором Коргуном. 28 ноября 2013 г.

⁹⁷ *Кравцов В. Б.* Введение // *Басов В. В.* Национальное и племенное в Афганистане. К пониманию невоенных истоков афганского кризиса / Ред. В. Б. Кравцов. М.: НИФ ФСКН России, 2011. С. 10.

⁹⁸ Интервью автора с Василием Кравцовым. Москва, 15 ноября 2012 г.

⁹⁹ *Ганковский Ю.* Империя Дуррани: очерки административной и военной системы. М.: Изд-во восточной литературы, 1958. О работе Ганковского на Второе главное управление КГБ см.: «Appendix 2 – KGB Officers and Agents of Soviet Nationality», MITN 1/6/7, 651e. Vasilii Mitrokhin Papers, Churchill Archives Centre, Churchill College, Cambridge University, Cambridge, United Kingdom.

нием имиджа Пакистана, хотя в СССР активно действовала индийская культурная дипломатия. Благодаря Ганковскому Фаиз получил в 1962 году Международную Ленинскую премию «За укрепление мира между народами»; большинство его произведений было переведено на русский язык. Но Кравцов подозревает, что эта организация была только прикрытием другой деятельности¹⁰⁰. «Если спросить меня как человека из КГБ, то [Ассоциация друзей Пакистана] это фактически их агентура», – говорил Кравцов¹⁰¹.

Связи Ганковского с Пакистаном были только одной стороной его сложной судьбы. Как и его отец (и как Ульяновский), Ганковский был репрессирован и с 1947 по 1955 год находился в лагерях, однако остался ортодоксальным марксистом-ленинцем¹⁰². Обсуждение подробностей его ареста остается под запретом, но, судя по тем отрывочным сведениям, которые собрал один из исследователей, Ганковский, будучи офицером Красной армии, предотвратил казнь обвиняемого в политическом преступлении солдата. Он спас жизнь человеку, но получил восьмилетний срок, который отбывал в казахской степи¹⁰³. «В Ганковском жило как бы два человека, – вспоминает его друг Хафиз Малик¹⁰⁴. – Долгое заключение не озлобило Юрия на советскую систему. Он был горячим сторонником советской политики, но всегда оставался очень осторожным в своих словах и поступках»¹⁰⁵. Малик вспоминал, что Ганковскому «строгая спартанская жизнь казалась естественной и „социалистической“. Длинными русскими зимами он ходил в одном и том же потертом костюме, а летом носил нечто подобное, но полегче. Однажды я подарил ему несколько хороших рубашек с дружеским намеком: „Юрий, пожалуйста, носи на здоровье“. Он отказался».

---

¹⁰⁰ Кравцов В. Б. Введение. С. 9.

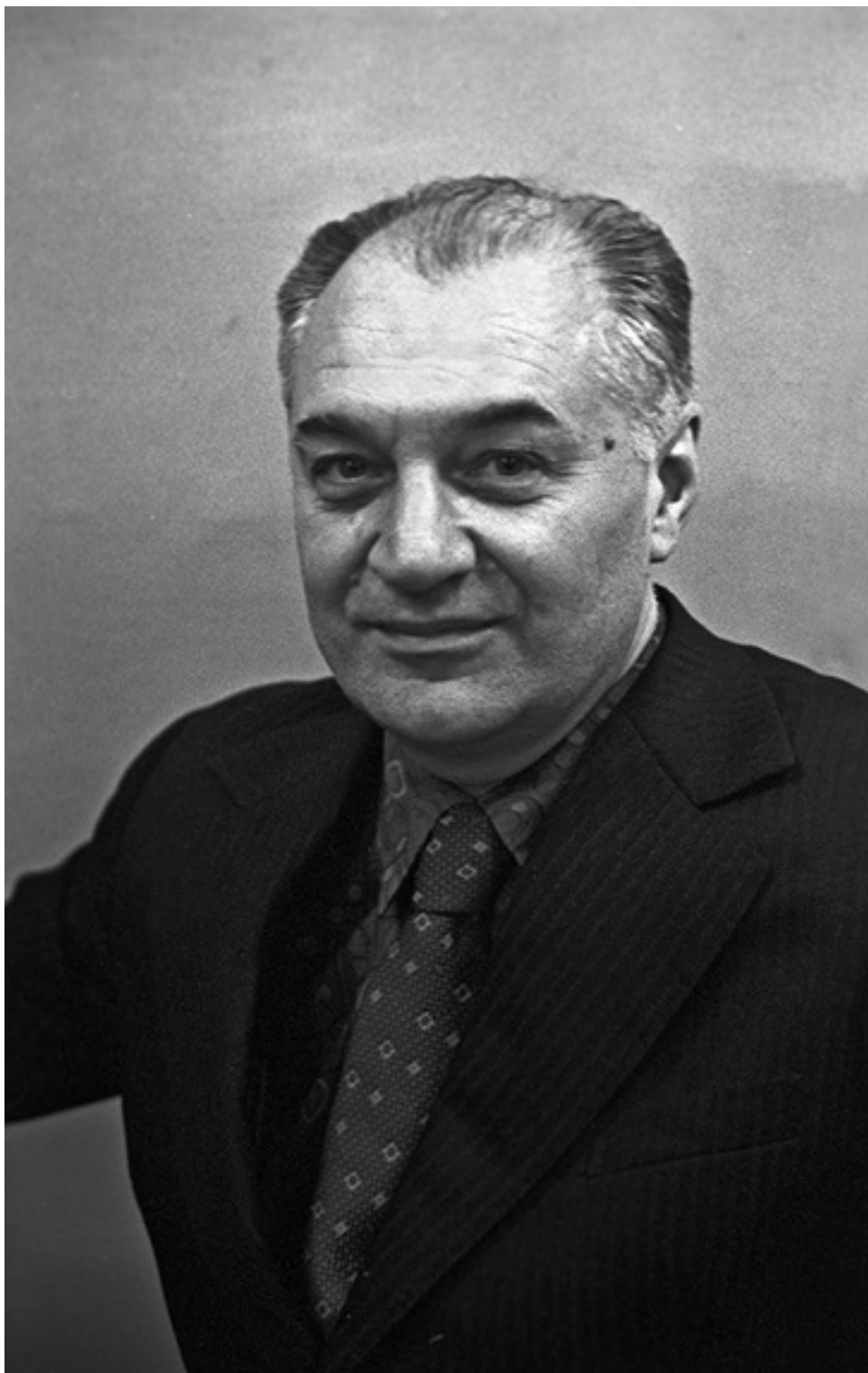
¹⁰¹ Интервью автора с Василием Кравцовым. Москва, 15 ноября 2012 г.

¹⁰² Интервью автора с Виктором Коргуном. Москва, 15 октября 2012 г.; *Malik H. The Soviet Union, Russia: Yuri and I. A Memoir // Journal of South Asian and Middle Eastern Studies. № XXXV 3. 2012. Spring. P. 59.*

¹⁰³ Интервью автора с Виктором Коргуном. Москва, 15 октября 2012 г.

¹⁰⁴ Интервью автора с Хафизом Маликом (по телефону). Кембридж, Массачусетс, 4 сентября 2013 г.

¹⁰⁵ *Malik H. The Soviet Union, Russia: Yuri and I. A Memoir. P. 59.*

Ил. 2. Советский востоковед, профессор, доктор исторических наук Юрий Владимирович Ганковский, заведующий отделом Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения Академии наук СССР. Фото Б. Бабанова, 1979 год (С разрешения РИА Новости)

Биография Ганковского не должна затемнять его впечатляющих научных достижений. В своей монументальной книге о Дурранийской империи ученый раскрыл финансовую и административную историю страны и пришел к тем же политическим выводам, что и автор экономической истории А. Д. Давыдов. По словам Ганковского, эмиры из династии Садозай обложили бедные пуштунские территории, составлявшие значительную часть империи, налогом,

меньшим по сравнению с богатой периферией. Отдаленные богатые провинции Синд, Пенджаб и Кашмир и другие обеспечивали большую часть налоговых поступлений. Действительно, во время Первой англо-афганской войны потенциальный афганский эмир в изгнании Шуджахан объяснил англичанам, что средства на афганскую армию получались главным образом «от доходов зависимых земель Пенджаб, Синд, Кашмир и Мултан, а часть из Хоросана» – до тех пор, пока зарождающаяся Сикхская империя не покорила их из Кабула¹⁰⁶.

Но богатые равнинные районы и Кашмир, собранные когда-то в Сикхскую империю, теперь принадлежали Пакистану. Раздел Британской Индии превратил историческое финансовое ядро афганского государства в пакистанскую территорию. Не было тайной, что постимперскому афганскому государству, лишенному своих богатых равнинных владений, все время недоставало денег. История показала, что афганскую империю можно было построить *лишь* благодаря господству Пенджаба и Кашмира. В более поздней книге Ганковский обратился к истории национальных движений в Пакистане, для того чтобы исторически контекстуализировать и, возможно, делегитимизировать силы левых пуштунских националистов, угрожавших разрушить Пакистан своими центробежными насильственными действиями¹⁰⁷. Вместо того чтобы поддержать романтический левый пуштунский национализм, Ганковский показал, как консервативные пуштунские элиты и малики (богатые землевладельцы) вступали в сговор с пакистанской армией и элитой Всеиндийской мусульманской лиги, где преобладали пенджабцы, чтобы помешать воплощению идеи «Пуштунистана», в котором ведущую роль могли сыграть прогрессивные силы, которые заговорщики рассматривали как угрозу своим привилегиям. Пуштунские элиты использовали военный и полицейский аппарат пакистанского государства для подчинения себе крестьянства и рабочего класса¹⁰⁸. Одним словом, сочувствуя, как и многие, стоявшим на стороне пуштунов левым, нельзя было принимать всерьез пропаганду Кабула о заговоре «единой провинции» и пакистанских «патанах». Разумные марксисты должны были указать на те реальные классовые интересы, которые объединяли Пакистан, а не предполагать там правление буржуазной пенджабской диктатуры, находящейся на грани краха.

Однако, как отмечал Кравцов, исследования Ганковским Пакистана и его лоббистская деятельность в пользу последнего стали смешиваться¹⁰⁹. Из-за тесных связей Всеиндийской мусульманской лиги с иностранными правительствами независимый Карачи склонялся к оппортунизму и искал союзников не только в Вашингтоне. Пакистанские дипломаты были готовы давать взятки представителям советского МИДа и КГБ. Ганковский отправился в Пакистан, чтобы прочитать две лекции, но получил гонорар за десять. Не всегда он выступал и в качестве объективного наставника: Ганковский подвергал критике работы специалистов по пушту, в большей степени сочувствующих пуштунскому самоопределению, таких как Басов. Хотя последний быстро поднимался по службе в МИДе, престижные издания, такие как «Вестник Института востоковедения АН СССР», отказывались печатать его работы.

В сотрудничестве с Ульяновским из международного отдела ЦК Ганковский старался обеспечить своим пакистанским покровителям более мягкую линию советской южноазиатской политики. Тесные связи Москвы с Нью-Дели препятствовали любой проафганской деятельности. Индия «объективно» являлась союзником СССР, а такие ученые, как Г. А. Поляков и О. Жаров, монополизировали вопросы политики по отношению к Афганистану. Тем не менее в 1971 году, как утверждает Кравцов, Ульяновский звонил в Дели и умолял Индиру Ганди не вторгаться в Пенджаб. Это утверждение не противоречит и другим сообщениям. В апреле 1971 года Дурга Прасад Дхар, доверенный советник Ганди и посол Индии в Советском Союзе, в

¹⁰⁶ Shah Shuja to Lord Auckland (January 15, 1840), Series No. 75–7, Foreign, Secret Consultations, National Archives of India. Цит. по: *Dabrymple W.* Return of a King: The Battle for Afghanistan, 1839–42. New York: Alfred A. Knopf, 2013. P. 231.

¹⁰⁷ Ганковский Ю. В. Национальный вопрос и национальные движения в Пакистане. М.: Наука, 1967. С. 183–184.

¹⁰⁸ Там же. С. 184.

¹⁰⁹ Интервью автора с Василием Кравцовым. Москва, 27 мая 2013 г.

письме к индийскому секретарю Министерства иностранных дел Трилотхи Нат Каулю предположил, что Кабул «оказывает материальную помощь угнетенным восточным бенгальцам, возрождая их интерес к патанскому движению»¹¹⁰. На тайной встрече с индийскими дипломатами в Лондоне в июне 1971 года министр иностранных дел Индии Сваран Сингх открыто обсуждал возможность использования пуштунского национализма для разделения Западного Пакистана¹¹¹. Индийцы не только рассматривали версию о том, что Кабул стал проводить ревизионистскую политику. Ганковский сообщил Хафизу Малику, что в 1971 году Москва уговорила Захир-шаха не поддаваться на просьбы его генералов взять Пешавар¹¹².

Союз Ульяновского и Ганковского, похоже, оставался весьма влиятельным на протяжении большей части эпохи холодной войны¹¹³. Они добились многого. После нескольких лет напряженности в отношениях между СССР и Пакистаном, начавшейся после инцидента с самолетом «У-2», Москва сохранила нейтралитет во время индо-пакистанской войны 1965 года и в апреле 1965 года приняла президента Мухаммеда Айюба Хана в Москве. У партийных лидеров наконец появилась возможность заявить о важности для СССР Центральной Азии, хотя делали они это поневоле. Если Таджикистан когда-то воспринимался как республика, стоящая «у ворот Индостана», то сорок один год спустя в Ташкенте состоялись мирные переговоры по урегулированию индо-пакистанской войны, в результате которых конфликт был погашен при участии ООН, причем СССР выступал в качестве гаранта¹¹⁴. В 1968 году после нескольких лет предварительных переговоров Председатель Совета министров СССР А. Н. Косыгин посетил город Равалпинди для подписания соглашения о поставках оружия. Освободительная война в Бангладеш и подписание в августе 1971 года Индийско-советского договора о дружбе и сотрудничестве обострили отношения в регионе, но даже во время этого конфликта «Индира Ганди не могла получить от Советского Союза разрешения на войну» против Пакистана. А. А. Громыко, посетив в это время Вашингтон, заверил Никсона, что «советская политика сделала все возможное, чтобы предотвратить конфронтацию»¹¹⁵.

Возникает вопрос: не подорвало ли революционную идеологию то, что Москва приняла международный порядок? В беспощадном колониальном мире СССР и эмират Афганистан были насущно необходимы друг другу: советское правительство первым признало право Афганистана на существование, а Афганистан первым признал Советский Союз. Когда такие дипломаты, как Басов, приезжали в Кабул, они видели свидетельства пятидесятилетней советско-афганской дружбы: построенные с советской помощью здания, говорящих по-русски студентов и офицеров. Они могли посмотреть совместно снятый фильм, посвященный советско-афганской дружбе «Миссия в Кабуле» 1971 года, снимавшийся в Афганистане и Индии при участии тысяч статистов, где в качестве положительных героев выступали советские дипломаты, работавшие над тем, чтобы страна избавилась от колониального гнета и вошла в новый международный порядок¹¹⁶.

¹¹⁰ Letter, D. P. Dhar to T. N. Kaul (April 4, 1971). Subject File 165. P. N. Haksar Papers, Nehru Memorial Museum and Library (NMML).

¹¹¹ Swaran Singh Briefing in London (June 1971). Subject File 19. T. N. Kaul Papers. NMML.

¹¹² Malik H. The Soviet Union, Russia: Yuri and I. A Memoir. P. 64–65.

¹¹³ По свидетельству Виктора Коргуна, в апреле 1978 года Ганковский был допрошен в ЦК КПСС по поводу его взглядов. Это не вызывает удивления, если учесть работу Ганковского на Второе управление КГБ. Камелев С. Н. Конференция, посвященная 90-летию со дня рождения Ю. В. Ганковского // Восток. Афроазиатские общества, история и современность. 2011. № 5. С. 169–173.

¹¹⁴ Сталин И. В. Москва – Дюшамбе. РКП приветствует Таджикистан // Правда Востока. 1925. 25 марта. С. 2; The Awakened East: A Report by Soviet Journalists on the Visit of N. S. Khrushchov to India, Burma, Indonesia and Afghanistan. Moscow: Foreign Languages Publishing House, 1960. P. 23–24.

¹¹⁵ Memorandum for the President's File // FRUS. Vol. XI. South Asia Crisis. Washington: United States Government Office, 2005. P. 425.

¹¹⁶ «Миссия в Кабул» (1971), реж. Леонид Квинихидзе.

Тем не менее победа в Великой Отечественной войне и взрывной рост числа независимых национальных государств, многие из которых стали ориентироваться на СССР, изменили приверженность Москвы Кабулу на международной арене. Фильм «Миссия в Кабуле» представлял 1921 год как финал национального освобождения, а не как начало борьбы, которая прервется в 1929 году. Советские дипломаты наблюдали, как авторитарная монархия подавляет интеллектуалов, выступавших за демократизацию и конституционное правление¹¹⁷. Когда один из них, Мир Гулам Мухаммад Губар, написал прогрессивную историю Афганистана с древних времен до Амануллы, Захир-шах приказал изъять почти все ее экземпляры¹¹⁸. Когда врачи диагностировали у Губара гепатит, режим Дауда отказал ему в поездке в Советский Союз для лечения. Вместо этого он эмигрировал в Западную Германию, где и умер весной 1978 года. Политика разрядки принесла мир, но ценой справедливости. Могло ли стареющее советское руководство справиться с кризисом?

---

¹¹⁷ Мир Гулам Мухаммад Губар. Очерк жизни и деятельности // *Губар М. Г. М. Афганистан на пути истории* / Пер. М. Давлятова. М.: Ин-т востоковедения АН СССР, 1987.

¹¹⁸ Там же. С. 14.

Ускорение справедливости, замедление времени

Слабость работы советского правительства со странами третьего мира стала заметна вскоре после начала этой работы. Все более воинственная Китайская Народная Республика, возглавляемая Мао Цзэдуном и Чжоу Эньлаем, становилась привлекательной альтернативой советскому социализму¹¹⁹. Постколониальным странам казалось, что СССР по сравнению с маоистской державой слишком доволен существующим положением вещей, помирился с белыми империалистами и не намерен вести с ними революционные войны. В тех странах, где левые не стояли у власти, они спорили о том, кто олицетворяет «подлинный» антиимпериалистический социализм – Москва или Пекин¹²⁰. Зимой 1963/64 года Чжоу Эньлай побывал в десяти африканских странах, Бирме и Пакистане, предлагая всем помощь. Вскоре Китай осуществил крупный железнодорожный проект в Танзании, чтобы соединить богатую медью Замбию с Дар-эс-Саламом – портом в Индийском океане. Иными словами, Пекин поставил Москву перед выбором: «...либо продолжать путь мирного сосуществования, надеясь выиграть битву с капитализмом посредством экономической конкуренции как внутри самого Советского Союза, так и на примере своих протеже в развивающемся мире, либо укреплять свой тыл в соревновании с Китаем, рискуя отношениями с Западом, чтобы продвигать более воинствующую марку революции»¹²¹.

Китай был не единственной проблемой. Многие проекты, продвигавшиеся Советским Союзом в странах третьего мира, не принесли ему политических дивидендов. Посмотрим, что произошло в Гвинее, где СССР впервые попытался сыграть существенную роль в жизни лежащих к югу от Сахары стран Африки¹²². Вскоре после того, как 2 октября 1958 года Гвинея отказалась от членства во Французском сообществе в пользу полной независимости, ее лидер Ахмед Секу Туре подписал соглашения с Советским Союзом и Чехословакией о поставках товаров и тяжелого вооружения¹²³. Это казалось многообещающим началом: в колониальные времена Туре изучал марксизм-ленинизм вместе с французскими коммунистами и был известен как «отец-основатель гвинейских профсоюзов»¹²⁴.

Но вскоре возникли непримиримые разногласия. Туре энергично стирал социальные различия и увлеченно занимался развитием сельскохозяйственного производства, но его не манили советские идеи о пролетарском классовом сознании и индустриализации¹²⁵. Советские дипломаты жаловались, что Туре расхищает средства, выделяемые стране для создания важных проектов¹²⁶. Гвинейцы сетовали на то, что СССР строит бесполезные объекты: американский посол писал, что «при постройке советской фабрики консервированных томатов в

¹¹⁹ Westad O. A. (Ed.) *Brothers in Arms: The Rise and Fall of the Sino-Soviet Alliance*. Stanford: Stanford University Press, 1998; Lüthi L. M. *The Sino-Soviet Split: Cold War in the Communist World*. Princeton: Princeton University Press, 2008; Jersild A. *The Sino Soviet Alliance: An International History*. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 2014.

¹²⁰ Friedman J. *Reviving Revolution: The Sino-Soviet Split, the «Third World», and the Fate of the Left*. PhD Dissertation, Princeton University, May 2011.

¹²¹ Friedman J. *Reviving Revolution*. P. 143; РГАНИ. Ф. 5. Оп. 30 Д. 481. Л. 1–7. Цит. по: Friedman J. P. 175.

¹²² Самые первые советские вторжения в Африку южнее Сахары в действительности произошли в Либерии. Советская делегация посетила Монровию в период с 31 декабря 1955 по 12 января 1956 года. Еще одна делегация была в стране в январе 1960 года. Однако итогом этих контактов стало только установление дипломатических отношений, и советско-либерийские связи остались эфемерными. См.: Mazov S. *A Distant Front in the Cold War: The USSR in West Africa and the Congo, 1956–1964*. Washington: Woodrow Wilson Center Press, 2010. P. 32–43.

¹²³ Mazov S. *Op. cit.* P. 68.

¹²⁴ *Ibid.* P. 58.

¹²⁵ Friedman J. *Op. cit.* P. 108.

¹²⁶ Дэвидсон А., Мазов С. (ред.) *Россия и Африка. Документы и материалы, XVIII в. – 1960-е годы*. Т. 2. 1918–1960 гг. М.: ИВИ РАН, 1999. С. 22–25, 208–211; Iandolo A. *The Rise and Fall of the «Soviet Model of Development» in West Africa, 1957–64 // Cold War History*. 2012. № 12(4). P. 699.

Маму не учли того, что в этом районе не имелось ни помидоров, ни воды»¹²⁷. Впоследствии Туре дистанцировался от Москвы, а после забастовки учителей изгнал советского посла из страны, обвинив его в заговоре¹²⁸. Вместо советских делегаций в страну зачастили китайцы, впечатлившие гвинейцев своей политической установкой: тратить на жизнь не больше местных жителей¹²⁹. «Национальные демократы», подобные Туре, которые, согласно советским догмам, должны были двигаться к социалистической экономике, теперь превратились в «националистов», подозреваемых в приверженности маоизму.

Пришло время обновить старые концепции. Прежние сталинские представления о пяти ступенях развития классифицировали общества по способу производства, но получившие новый опыт марксисты понимали, что реальность сложнее. Ученые признали, что в переходные времена могут одновременно существовать разные способы производства. Экономическая эсхатология означала, что до-социалистические общества несли в себе семена не только своей собственной гибели, но и того способа производства, который будет характерен для следующей исторической стадии¹³⁰. Ссылаясь на Ленина, теоретики окрестили эти вторичные способы производства и производимые ими социальные структуры *укладами*. Этот термин был взят из ленинской статьи 1918 года, где вождь охарактеризовал советскую Россию как «многоукладное» общество, в котором сосуществовали кочевая, частнокапиталистическая и государственно-капиталистическая экономики. В середине 1950-х годов Ульяновский и другие теоретики вновь приняли на вооружение эту идею, чтобы оправдать помощь «национальным демократиям», таким как Гвинея, и монархиям, таким как Афганистан¹³¹. Национальные буржуазные партии могут сосуществовать с небольшим рабочим классом, но только в рамках научно доказанного поступательного движения к социализму. Образно говоря, экономическая дуга оказывалась длинной, но в конечном итоге склонялась к социализму – в особенности если Советский Союз предоставит стране фабричных рабочих.

Африканские события, не говоря уже о правых переворотах, совершавшихся в разных странах от Бразилии до Мали в конце 1960-х годов, побудили теоретиков глубже задуматься о том, как социалисты могут на деле прийти к власти. Партийные руководители призывали ученых уделять больше внимания политическим исследованиям угроз, создаваемых для левых правительств армиями, переворотами и этническими разногласиями¹³². Вводя теоретические новации, начавшиеся с идеи «революционной демократии» и завершившиеся на XXIV съезде КПСС в 1971 году провозглашением концепции «стран социалистической ориентации», советские теоретики «вернулись к ленинскому положению о том, что политический и идеологический контроль в форме централизованной партийной структуры мог бы компенсировать экономические уступки, в то время как одной экономики для обеспечения успеха революции недостаточно»¹³³. На практике это означало тесное сотрудничество с такими режимами, как

---

¹²⁷ *Attwood W.* The Reds and the Blacks: A Personal Adventure – Two Tours on Duty in Revolutionary Africa as Kennedy's Ambassador to Guinea and Johnson's to Kenya. New York: Harper & Row, 1967. P. 68–69.

¹²⁸ *Mazov S.* Op. cit. P. 187–188.

¹²⁹ *Friedman J.* Op. cit. P. 120.

¹³⁰ *Hough J.* Op. cit. P. 55.

¹³¹ *Масленников В. А.* Дискуссия об экономическом развитии колониальных и зависимых стран в эпоху империализма // Советское востоковедение. 1955. № 4. С. 139; *Ульяновский Р. А.* Аграрные реформы в странах Ближнего и Среднего Востока, Индии и Юго-Восточной Азии // Народы Азии и Африки. 1961. № 1. С. 13.

¹³² <Без автора> Армия и освободительное движение // Азия и Африка сегодня. 1966. Сентябрь. С. 2–4; *Иорданский В.* О характере военных диктатур в тропической Африке // Народы Азии и Африки. 1967. № 4. С. 22–37; *Мирский Г.* Политическая роль армии в странах Азии и Африки // Народы Азии и Африки. № 6. 1968. С. 3–14; *Сумбатиян Ю.* Армия в политической системе национальной демократии. Народы Азии и Африки. № 4. 1969. С. 34–38.

¹³³ *Friedman J.* Op. cit. P. 166; см.: *Иорданский В.* Тропическая Африка: о природе межэтнических конфликтов // Мировая экономика и международные отношения. 1967. № 1. С. 47–56; *Проппев И.* Некапиталистический путь развития и его место в историческом процессе // Мировая экономика и международные отношения. 1966. № 12. С. 6.

иракский (где правила партия БААС) или афганский времен Дауда, где «буржуазные» правительства включали коммунистов и оставались зависимыми от советской военной помощи.

И все же у нового подхода были свои подводные камни. Рассмотрим случай Сомали. Следуя образцу отношений с Гвинеей, где торговля с СССР началась с нуля, а потом заняла ведущее место в торговом балансе страны, после сомалийского переворота 1969 года Москва стала стремиться к политическому и военному влиянию в Могадिशе. При этом, учитывая отсутствие в стране конкурентоспособных экспортных отраслей, СССР изо всех сил пытался нарастить «объективное» влияние на Африканском Роге. Как заметил один африканист, обновленная «ленинская» позиция Москвы, заключающаяся в обретении политического влияния без экономического проникновения, означала, что «в отличие от бывших колонизаторов-итальянцев... не было „вросших интересов“ в Сомали»¹³⁴

---

¹³⁴ *Ситицын С.* Указ. соч. С. 274.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.